

К а в к а з - 2 0 0 3
В ы б о р н ы й г о д
Е ж е г о д н и к К И С М И

Кавказский институт СМИ
Ереван, 2005

УДК 32.001
ББК 66
К 126

К 126 Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 228 с.

Издание представляет собой первый, пилотный выпуск Ежегодника Кавказского института СМИ, задуманного как справочно-информационное издание о наиболее важных событиях и тенденциях истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной. Кроме того, в издание вошли справочные материалы, в том числе хронология 2003 г. и географические карты Кавказа и региона.

Редактор А. Искандарян

Редколлегия: Р. Амирагян, Г. Демоян, Н. Искандарян,
А. Карагулян, В. Четерян

Дизайн обложки, макет и географические карты: студия «Коллаж».

Фотографии предоставлены студией «Patker» и Айком Бианджаном

Caucasus Yearbook 2003. Election Year. – Yerevan, CMI, 2005. – 228 p.

Editor A Iskandaryan

Editorial team R Amiraghyan, V Cheterian, N Demoyan,
N Iskandaryan, A Karagulyan

Cover design, layout and maps by Collage Ltd.

Photos courtesy of Patker and Hayk Bianjan

ББК 66

ISBN 99930-78-73-5

© КИСМИ, 2005

© 2005 by Caucasus Media Institute

Оглавление

От редактора.....	5
С.Арутюнов Страны Южного Кавказа вчера и сегодня.....	7
Д. Фурман Демократия в Азербайджане: проблема ротации власти	19
А. Искандарян Армения: что показали выборы.....	26
И. Хаиндрава «Революция роз» в Грузии: что бы это значило?	36
К. Дзугаев Грузино-осетинский конфликт до и после «Революции роз».....	47
Д. Петросян Нагорный Карабах: еще один год без войны	67
И. Кузнецов Северо-западный Кавказ (Краснодарский край): что происходит с этническими меньшинствами	93
А. Дарбинян Экономические тренды на Кавказе в 2003 году Основные экономические показатели стран Южного Кавказа в 2003 году	121
О. Канделаки Коррупция как системная проблема: препятствия и стратегии для стран Южного Кавказа.....	131
Д. Ованесян Армяно-турецкие отношения как ключевые в регионе	154
А. Агаджанян Российский взгляд на Кавказ: религиозная перспектива	166

2003 год на Кавказе. Краткая хронология событий	183
Книги о Кавказе, вышедшие в 2003 г.	205
Рецензии на некоторые книги, вышедшие в 2003 г.	213
Об авторах.....	217
Список фотографий.....	220
Географические карты	222
<i>Примечание редактора</i>	222
<i>Кавказ. Вид из космоса</i>	223
<i>Кавказ. Политико-административная карта</i>	224
<i>Кавказ. Этнографическая карта</i>	225
<i>Юго-Западная Азия. Схема трубопроводов</i>	226
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	
Summary	227

От редактора

Кавказский институт СМИ представляет читателю серию ежегодников о Кавказе.

О Кавказе и на Кавказе выходит множество разнообразных и интересных изданий, на бумаге и в Интернете, посвященных различным аспектам политики, экономики и общественного развития Южного и Северного Кавказа.

Мы поставили перед собой специфическую задачу: ежегодно подводить итоги произошедших на Кавказе изменений в самых разных сферах — в зависимости от того, каким был истекший год. Для этого каждый год весной КИСМИ организует в Ереване международную конференцию «Кавказ 200...», на которой специалисты по странам Южного и Северного Кавказа собираются, чтобы обсудить итоги предыдущего года.

В основу ежегодника «Кавказ 200...» ложатся доклады, сделанные на конференции. Кроме этого, в нем содержатся справочные материалы, в частности, хронология года, статистические данные, списки книг о Кавказе, опубликованных в этом году, наиболее информативные интернет-ресурсы о Кавказе. Специально для ежегодника составлены карты Кавказа и региона. Иллюстрациями служат фотографии, сделанные в соответствующем году в разных регионах Кавказа. Планируется, что по мере выхода последующих выпусков ежегодника спектр справочных материалов будет расширяться.

Предлагаемое вашему вниманию издание — первый выпуск ежегодника. Он называется «Кавказ 2003: Выборный год», поскольку наиболее значимыми событиями 2003 года на Кавказа были выборы, и именно они предопределили многое, что произошло на Кавказе в тот год.

Авторы аналитических материалов ежегодника — выдающиеся ученые и публицисты из стран Южного Кавказа и России. Пользуемся случаем, чтобы еще раз поблагодарить их за участие в конференции и предоставленные КИСМИ материалы.

Мы благодарны всем, кто принял участие в работе над этим выпуском ежегодника: автору концепции Викену Четеряну, со-

ставителям справочных материалов Рузанне Амирагян и Гайку Демояну, литературному редактору Нине Искандарян. Большое спасибо студии «Patker» за предоставленные фотографии, студии «Коллаж» — за изготовление географических карт и оформление книги, сотрудникам КИСМИ Анне Карагулян и Ваагну Авакяну — за помощь в подготовке рукописи.

Мы надеемся, что ежегодник будет полезным источником разносторонней и разнообразной информации о развитии Южного и Северного Кавказа.

*Александр Искандарян
Ереван, апрель 2005*

С. Арутюнов

Страны Южного Кавказа вчера и сегодня

Почти что вплоть до самого распада СССР партийные пропагандисты любили изображать его в виде дружной семьи братских республик, где России отводилась роль старшего брата. Этнографии известны примеры больших братских семей, где старший брат более или менее командует младшими. Особенно характерны такие семьи для регионов, славящихся полиандрическими браками (Тибет, Непал), когда несколько братьев сообща женаты на одной женщине; собственно говоря, в этих случаях именно она-то реально и командует в семье. По этой аналогии, все братские республики были полиандрически женаты на одной властной даме, КПСС, и когда она приказала долго жить, семья естественным образом распалась.

Но, пожалуй, точнее было бы сравнить и Российскую империю, и СССР, в своей сталинской (постленинской) форме вполне восстановивший имперские традиции, с иной семьей, где властвует довольно самодурный матриарх — Россия; она мать, мачеха, распорядительница, хозяйка дома, а в доме под ее началом живут ее родные (как послушные, так и довольно своенравные) дети, а также пасынки или приемные дети, а еще крепостная челядь, домашние рабы и всевозможные вольные или невольные приживалки, отчасти боящиеся хозяйки, отчасти ненавидящие ее, отчасти к ней довольно глубоко привязанные. Впрочем, апартеидное самодурство, низводящее «лиц неславянской национальности» на уровень граждан второго сорта, может оттолкнуть даже самых привязанных.

Родных детей, собственно говоря, только двое — Белоруссия и Украина: соответственно послушная, смиренная дочь и непослушная, своенравная дочь. Смирная дочь, несмотря на непредсказуемые фортели товарища Лукашенко, в обозримом будущем, видимо, так и останется под покровительственным крылышком у мамочки. Непослушная дочь мечтает выйти замуж за кого угодно, лишь бы уйти от мамочки подальше, но только женихов по-

ка не видно. Имеющиеся кавалеры не идут дальше весьма поверхностного, малоперспективного и малоприбыльного флирта.

Ну да Бог с ними, с дочками, а также со всеми племянницами и приживалками. Прямого отношения к судьбам интересующего нас кавказского региона они все же не имеют. Единственно, о ком еще нужно сказать хоть несколько слов, это федеральные субъекты — республики Северного Кавказа. Очень бедные, по крайней мере, согласно официальной статистике, сильно зависящие от бюджетных дотаций, все они так или иначе смахивают на приживалок, причем за исключением мятежной Чечни (и то отнюдь не всего народа, а лишь определенной его части) и ее «сиамского близнеца», Ингушетии, не помышляют об уходе из хозяйкиного дома. Опять-таки, естественно, речь идет о большинстве народа, а не о малочисленных, безответственных и гораздо менее, чем лет десять тому назад, влиятельных политиках. Однако место этих политиканов, эксплуатировавших в основном секулярные, либерально-радикальные ценности, и сегодня выглядящих в основном достаточно комично, все более занимают актеры совсем иного, и вовсе не комического, жанра.

Это исламские клерикалы и их мирские подголоски, в основном из числа мелкой и не состоявшейся «творческой» интеллигенции. Часть из них, «ваххабитско-салафитского» толка, действует полунелегально, но тем не менее расширяет свое влияние, однако следует иметь в виду, что и многие внешне лояльные к федеральному государству традиционные, тарикатистские духовные лица и шейхи не очень-то и скрывают своей стратегической нацеленности на шариат и даже на халифат, и их влияние огромно. Все это касается в основном Дагестана, но постепенно все более ощущается и на Северо-Западном Кавказе.

Что же касается государств Южного Кавказа, т.е. Азербайджана, Армении и Грузии, то продолжая наши большесемейные аналогии, конечно, это пасынки у мачехи России, но пасынки очень разные, и отношения у них с Россией очень разные.

Братья они или не братья? Если рассуждать расогенетически или этногенетически, то ближе братьев не бывает. Это все люди одного (кавказского) варианта переднеазиатской расы, лишь с небольшим сдвигом в сторону понтийского типа у самых западных грузин, и в сторону индо-памирского типа у самых восточных азербайджанцев. Кто бы что ни говорил, внешне они нераз-

личимы. И этногенетически эти народы в их современном состоянии сложились в результате где давней, а где и недавней языковой картвелизации, арменизации или тюркизации более или менее одних и тех же исконных северокавказских (или просто кавказских) племен в их абхазо-адыгском (с чем сближаются хатты) или нахско-дагестанском (с чем сближаются урартохурриты) варианте, причем истоки сил этой диссимилиятивно-ассимилятивной этноалиенации находились первоначально в территориально ограниченных и расположенных вне пределов собственно Кавказа очагах. Таким образом, у всех трех народов имеется общий древний субстрат, а также в разных пропорциях и вариантах общий более поздний адстрат индоиранского происхождения (скифо-сармато-аланский, западно-иранский и даже цыганский). Последние акты этой долгой, многотысячелетней драмы происходят на наших глазах — завершается ассимиляция нахоязычных бацбийцев в Грузии, цыган в Армении и курдов, татов, цахуров, крызов, хиналугцев — в Азербайджане.

Армяне, грузины, азербайджанцы — это три ломтя из одного каравая, испеченного пусть из смешанной, но довольно однородно смешанной муки, однако эти ломти смазаны разным маслом. И видится, воспринимается именно это масло, а не хлеб, лежащий под ним.

Армянин, грузин, азербайджанец внешне неразличимы. Более того, не различается сегодня и не различалась в XVIII-XIX веках их одежда (мужская, а у женщин не сильно, но все же различалась). Более или менее то же самое относится и к их кухне, и к поселениям, и к типам жилища, обстановки, утвари, к занятиям, сельхозкультурам, составу стада, к ремеслам. Сходны многие обычаи, ценности, реликты домонотеистических религий, и многое, многое другое. Но языки трех народов совершенно различны (хотя содержат множество общей лексики в основном тюрко-иранско-арабского происхождения), и принадлежат к трем разным языковым семьям — картвельской (грузинский), индоевропейской (армянский) и тюркской (азербайджанский). Ничего общего не имеет между собой и графика этих языков. Утверждение, что грузинский алфавит был создан Месропом Маштоцем вслед за армянским — скорее всего, поздняя интерполяция. Различны и религии — Грузинская Православная Церковь занимает особое положение в созвездии православных

Церквей мира, Армянская Апостольская Церковь столь же обособлена в созвездии дохалкедонских Церквей, азербайджанцы — в основном мусульмане-шииты. Католические, иудейские, сектантские, суннитские меньшинства имеются во всех трех странах, но очень невелики и продолжают уменьшаться.

Подчеркивать братство было очень модно в советские времена. Э. Шеварднадзе даже сказал когда-то, что грузины и армяне не просто братья, а братья-близнецы, и в принципе был совершенно прав. Но даже в те времена научно-художественная интеллигенция предпочитала говорить не о единстве, а о различиях, и склока на тему, чьим культурным достоянием являются храмы VI–VII веков, принадлежавшие в сущности единой и не знавшей этничности общекавказской культуре, имеет столетнюю давность (вспомним «Вопиющие камни» Чавчавадзе и его спор с Вермишевым). Через полвека после этого азербайджанские ученые пытались объявить хачкары Джульфы «хачдашами», не армянским, а албанским наследием; впрочем, еще менее чем через полвека в один особо прекрасный день 2002 года решили, от греха подальше, их просто уничтожить.

Объективный научный подход повсеместно выявляет перемешанность, взаимопереплетенность, родственность, историческую взаимозависимость всех кавказских культур, племен, народов, языков. Присутствие абхазо-адыгских племен в Юго-Западной Грузии отражено в гидронимах типа Супса (адыгский корень -пс- вода), присутствие картвельских племен в Абхазии отражено в этнонимах (мисимиан из мушван — самоназвание сванов), армянские топонимы этимологизируются из нахских языков, и таких примеров сотни. Тем не менее, в большой науке сегодня в моде утверждения об исконности, автохтонности, уникальности «своего» этноса на «своей» территории, а уж в «паранауке», типа творчества С. Айвазяна, этническое самовозвеличение в самых гротескных и фантастических формах не знает никакого удержу.

Я помню, как в тревожном 1990 году наши английские друзья и коллеги, Тамара Драгадзе, Мари Беннигсен-Броксап и другие, предприняли попытку посадить видных грузинских, армянских, азербайджанских ученых, историков, социологов, политологов за круглый стол непредвзятой дискуссии. «Делегации» прибывали поздно вечером и ночью и разместились в небольшой

Рубен Мангасарян/Раткер

Вид на озеро Севан, полуостров Артаниш (Армения).

Рубен Мангасарян/Раткер

Ветеринары, прошедшие обучение в рамках проекта Министерства сельского хозяйства США (USDA), лечат козу.

гостинице в залах Британского музея, не столкнувшись друг с другом. Утром, выглянув из окна моей комнаты в зеленый внутренний дворик, я увидел жуткую картину: в одном углу дворика стоял лоток, торговавший пивом, мороженым, лимонадом и прочими аналогичными продуктами, в остальных трех углах имелись круглые столики под круглыми же зонтиками. Под каждым зонтиком, тесно сомкнув плечи и головы, расположившись так, чтобы по возможности не видеть друг друга, сидели три «делегации». Только их спины и то, что ниже спины, виднелись из-под низко опущенных зонтиков. Я спустился, подошел сначала к азербайджанцам, поболтал с ними (все «делегаты» были мои давние знакомые), потом подошел к армянам и грузинам. Те смотрели на меня так, будто я вышел к ним из клетки голодного тигра. На заседаниях все спорили до хрипоты, но к вечеру уже более или менее неформально общались друг с другом.

Мне кажется, что такая же ситуация имеет место и сегодня на межгосударственном уровне. Государства Южного Кавказа повернуты друг к другу спинами. Наименьшая отчужденность имеется между Грузией и Азербайджаном, в силу общих нефтепроводных интересов и определенной антисепаратистской солидарности. К тому же азербайджанцы Юго-Восточной Грузии ведут себя довольно тихо. Наибольшая враждебность, ясно, между Арменией и Азербайджаном, а между Арменией и Грузией отчужденность средней степени, она подогревается общим просепаратистским менталитетом армян, неуместной активностью армян Джавахетии и общей прорусской ориентацией Армении при явно антирусской ориентации Грузии. Однако прочное сближение Грузии и Азербайджана вряд ли возможно в силу больших культурных и религиозных различий и многовековой привычки практически всех христиан мира относиться к мусульманам с недоверием и пренебрежением.

Ситуацию в государствах Южного Кавказа можно в основном считать стабильной, а там, где имеет место нестабильность, это опять-таки стабильная нестабильность, освященная давней традицией. Политические страсти, вскипающие порой на площадях, перед зданиями правительств и посольств — это не более чем поверхностная пена, шлак на поверхности вязкой магмы, имя которой — национальный характер.

Конечно, национальный характер тоже есть категория исто-

рическая, и у сегодняшних грузин он иной, нежели был в начале XIX века, но все же у всех трех народов он сформирован взаимодействием собственного исторического наследия и экономического состояния, с одной стороны, а с другой — пребывания в течение двух столетий, в разных статусах, в составе Российской царской и советской империи.

Пытаться дать объективное научное описание национального характера — дело трудное и неблагодарное. Он познается скорее интуитивно и эмоционально, нежели рационально. Здесь больше подходят художественно-литературные примеры и аналогии, нежели описания. Так, хотя рассказ О. Туманяна «Ахмед» больше акцентирует возможность братских армяно-азербайджанских отношений, все же характер Ахмеда встает со страниц рассказа и соответствует месту Азербайджана в российской семье народов: доброжелательный, нетребовательный, без претензий, простоватый, приспособляемый, он даже не пасынок, а просто батрак, наемный работник, готовый, чтобы выжить и подзаработать, добросовестно ишачить на хозяйку, не обижаясь на судьбу, но и не привязываясь, оставаясь внешне своим, а по сути чужим, и в любой момент готовым собрать свою котомку и без особых церемоний перейти в другое место.

Таким батраком был нефтяной Азербайджан в царской России и сталинском Союзе, таковы сейчас азербайджанские гас-тарбайтеры в нефтяной Западной Сибири и на овощных рынках Москвы и Петербурга. Я много встречал таких азербайджанцев в моих путешествиях по Западной Сибири, от мастеров-буровиков и торговцев до милиционеров и врачей, и неизменно бывал принят радушно и доброжелательно.

Сложнее найти в художественной литературе некарикатурный либо неприукрашенный образ армянина. На самом деле в общем это гончаровский Шульц — неромантический, суховатый, деловой, добросовестный, ориентированный на преуспевание, безусловно положительный, но довольно скучный. В домохозяйстве мачехи-России это был обычный пасынок — средний, не очень близко, но заметно сроднившийся, не избалованный, но все же более или менее привязавшийся к мачехе, невзирая на ее эпизодическую дурь и несправедливость, понимающий, что лучше быть пусть и в проблемной, но в семье, чем одиноким в мире отчужденных, а то и прямо враждебных соседей.

Огромные трудности встают, если попытаться найти аналогии грузинскому национальному характеру. Если армянин — это Шульц, то грузин — это не Обломов, вернее, Обломов тоже (вспомним «Человек ли он» И. Чавчавадзе), но далеко не только он. Задача усложняется тем, что Азербайджан и Армения — страны, социально довольно однородные, в Армении 99% аристократии исчезло давным-давно, а в Азербайджане она была стерта, даже не успев толком сложиться, так что это всецело крестьянские страны, и любой представитель элиты — это вчерашний или позавчерашний крестьянин. И грузинский крестьянин к ним достаточно близок психологически, это тот слой, который в бутерброде относится к нижнему, базисному хлебу, а не к верхнему маслу. Однако грузинская элита всегда была составлена из дворянства в большей степени, чем из крестьянства, и ее психология определяет и по сей день политическую и общественную жизнь. Ее репрезентативный типаж с беспощадной жестокостью высветил Михаил Джавахишвили в своем романе «Рабы Джако» (иначе «Хизаны Джако») в образе Теймураза Хевистави. Беспомощный в трудностях, но одержимый идеалом своего благородства, тонкий, интеллектуальный, легкоранимый и способный опуститься до полного ничтожества, это уже не Обломов, а нечто гораздо большее во всех отношениях. За это М. Джавахишвили (кстати сказать, происходивший хоть из зажиточных, но все-таки крестьян) был многожды корим глубоко уязвленной грузинской интеллигенцией, а это значит, что она себя узнала. Но в образе Теймураза почти отсутствует важная черта, столь свойственная грузинской интеллигенции — высочайшая эстетическая художественность, способность к яркому перформансу, позволившая ей неизменно занимать высшие места на экранах и подмостках России и мира. Но эта же страсть и способность к перформансу содействует постоянной подмене реальной политики фразой, тостом, фрондой, буффонадой. Это в огромной мере было присуще Звиаду Гамсахурдия, несколько меньше, но присуще Шеварднадзе, и вновь характерно для Саакашвили.

Хотя Россия-мачеха нередко и больно била своего талантлившего пасынка за своеволие и непослушание, но она же его и любила, и гордилась им, и приближала к себе более других, и без малого два века, XIX и XX, кормила и поила, баловала, умывала и подмывала. Добавим в скобках, что в XX веке балованный

пасынок, не довольствуясь полным пансионом, еще и беззащитно обворовывал хозяйку-матушку, в чем, впрочем, преуспевала и почти вся остальная челядь, но ему это прощалось скорее других. Конечно, стратегическое положение тоже играло свою роль.

Когда же вдруг самодурственная мачеха вдруг обанкротилась и пришла в упадок, когда челядь разбежалась кто куда, когда грузинский баловень вдруг остался беспризорным, он опустил куда ниже Теймураза Хевистави, до полной неспособности самому позаботиться о себе. Сейчас забрезжила надежда, что его усыновит американский дядюшка, накормит, умоет, подмоет и вернет в благодатную жизнь. Но к дядюшке со всего мира тянется уж слишком много подобных беспризорников, да и российская «широта души» ему не свойственна.

* * *

Симпозиум, посвященный итогам 2003 года для государств Южного Кавказа, прошел в Ереване в апреле 2004 года, т.е. от конца 2003 года его отделяли всего три месяца. Но и тогда нельзя было говорить о событиях 2003 года, игнорируя развитие ситуации за эти три месяца. Сейчас, когда пишутся эти строки, на дворе сентябрь 2004 года, и повторять то, что было сказано почти полугодом раньше, не имело бы смысла.

Равным образом невозможно рассматривать ситуацию в странах Южного Кавказа, не обращаясь к рассмотрению ее на Северном Кавказе, и шире, в России вообще.

Хотя формально Россия продолжает оставаться демократической страной, и президент Путин, особенно на зарубежную аудиторию, постоянно подчеркивает свою приверженность принципам демократии, реально демократическая эпоха в России закончилась. Употребляя отдаленные исторические аналогии, можно сказать (и эти фразы уже промелькнули в прессе), что на выборах в Думу в конце 2003 г. закончилась 15-летняя «веймарская» эпоха в истории России, наступившая после ее разгрома в «холодной войне». Аналогии по части национального унижения и выкачки ценностей явные. Но началась ли эпоха «третьего рейха»? Выражение это было бы уместно, считая романовский рейх за первый, а сталинский за второй. Аналогий много, но от-

сутствует главная: нет фюрера. Путин, безусловно, не фюрер и не дуче, и даже не каудильо. Однако обстоятельства и окружение вполне могут подтолкнуть его на роль Гинденбурга, скажем, в 2008 году. Все к этому идет.

Что же касается правящей партии (Ед Ра), то это, конечно же, не НСДАП, но с франкистской фалангой известные аналогии вызывает. А «Идущие вместе» напрашиваются уже всерьез на некоторые сравнения с гитлерюгендом. Но настоящий национал-социализм (опять-таки, разумеется, окрашенный в более яркие, нежели коричневый, тона) демонстрируют многие представители партии нашей квази-оппозиции, «Родины» и ЛДПР.

«Позвоночные» прокуроры, «басманные» суды, дело ЮКОСа, систематическое удушение неконтролируемых властью СМИ (сначала ТВ-каналов, а затем и отдельных программ – Парфенова, Шустера), и наконец два взаимосвязанных чудовищных приговора – осуждение на 15 лет тюрьмы (!) бесспорно невиновного ученого Игоря Сутягина и оправдание совершивших зверское убийство капитана Э. Ульмана и его содельников завершают картину процесса становления суперавторитарного государства. Оба приговора вынесены судом присяжных. Это означает, что по целому ряду шовинистических, реакционных, антидемократических явлений и тенденций происходит смычка власти и «народа» на базе ксенофобии и черносотенной, воистину охотнорядской ненависти к «либеральному демократизму» и «дерьмократам». Фашиствующие элементы все более наглеют (ср. убийство ведущего антифашиста Н.М. Гиренко), а демократию и свободу слова как причину всех бед не поносит разве что самый ленивый. Стремительный выход РПЦ на позиции государственной религии идет в этом же русле.

Таков общий фон, на котором следует рассматривать события 2003–2004 года в южнокавказских государствах. И все же отметим различия между ними в исторической ретроспективе. Уровень демократизма и свободомыслия, духовной и политической культуры, и ранее в Азербайджане низкий, а ныне вообще близкий к нулю, в Армении выше, в Грузии еще выше. В этом плане Армения примерно наравне с Россией, Азербайджан неизмеримо ниже, а Грузия гораздо выше. Так было и в советские времена, и даже при режиме Гамсахурдия. Благодаря традициям жесткой, деспотической власти период общего постсоветского хаоса

са и аномии в Азербайджане был очень краток и мало выражен, в Армении был довольно быстро преодолен, а в Грузии во многом продолжается и по сей день. Этническая чистка, выжимание и подавление нацменьшинств, гомогенизация национального состава в Азербайджане приняли крайние формы и зашли очень далеко (талыши, лезгины, курды так зажаты, что в счет не идут). В Армении они тоже были интенсивны, но не в отношении немусульманского населения, в Грузии имели место, но процент меньшинств снизился не столь разительно и остался очень высоким. Соответственно и эмиграция титульного населения наиболее высока в Азербайджане, чуть менее высока, но очень значительна в Армении, и наименее заметна в Грузии, хотя и там она имеет место. При этом из Азербайджана эмигрируют в основном малокультурные слои, из Армении средние, а из Грузии — культурно элитарные и близкие к ним.

Антидемократические, реакционные тенденции в России, характерные как для власти, так и для «плебса», неизменно в той или иной мере окрашены шовинизмом и ксенофобией, за исключением, пожалуй, наивысших эшелонов власти, где стремление к «завинчиванию гаек» определенно существует, но ксенофобных обертонов почти не содержит. О государствах Южного Кавказа тоже нельзя сказать, чтобы их властные структуры были реально привержены демократическим принципам, хотя всячески такую приверженность декларируют. В Азербайджане о реальной демократии вообще говорить не приходится, в Армении существует в основном только внешняя видимость демократии, а реально и занятие постов, формально выборных, и функционирование властных структур регулируется совсем иными механизмами, и, наконец, в Грузии новая власть в лице президента Саакашвили и его сторонников в борьбе со своими противниками также использует процедуры, мало подходящие под определение демократических, но здесь это менее заметно, так как она, по крайней мере на сегодня, пользуется поддержкой, видимо, значительного большинства населения страны. Но даже попытки сломить сепаратизм Южной Осетии и Абхазии не сопровождаются, в отличие от эпохи Гамсахурдия, шовинистической и ксенофобной демагогией. Нет ее и в Азербайджане и в Армении, просто потому, что период этнических чисток здесь закончился, и нежелательные меньшинства уже практически полностью вы-

давлены из этих стран. Иными словами, антидемократические порядки и тенденции есть в той или иной мере везде, но в отличие от России, фашистских или хотя бы криптофашистских оттенков они не носят.

* * *

Что же можно сказать в итоге всех этих досужих рассуждений? Итог тривиален: и внутренняя, и внешняя политическая обстановка в трех государствах Южного Кавказа устоялась. Каких-либо кардинальных изменений ожидать не приходится. Мелкие политические сотрясения это не более чем мышьяная возня, отражающая борьбу интересов отдельных клик и мафиозных группировок. Во всех трех государствах такая власть, какая ныне есть, пребудет, по-видимому, надолго. Саакашвили удалось кое-как решить аджарскую проблему, самую маленькую и легкую из проблем трех мятежных автономий. Возможно, каким-то компромиссом обустроится проблема Южной Осетии, хотя путь к этому обещает быть довольно долгим. В Абхазии, скорее всего, будет неопределенно долго сохраняться статус кво. Перспектив решения карабахской проблемы не просматривается. В общем, все прочно уселись на своих стульях, и хотя стулья достаточно жесткие и неудобные, и седоки морщатся и ерзают, но возможности пересесть удобней не предвидится, поскольку данная рассадка определяется не столько расстановкой каких-то политических сил, сколько более долгодействующим фактором — национальными характерами взаимодействующих наций. А он остается более или менее неизменным, даже если меняются президенты и министры.

Д. Фурман

Демократия в Азербайджане: проблема ротации власти

*Текст устного доклада, сделанного на конференции
«Кавказ-2003» в Ереване в апреле 2004 г.*

Дорогие коллеги!

Я призван заменить сегодня отсутствующих азербайджанских специалистов, но, конечно, по настоящему компенсировать их отсутствие я не могу, я отнюдь не так знаю азербайджанский материал. Но я попытаюсь компенсировать это незнание так, как обычно делают те, у кого не хватает знаний — рассуждениями.

С моей точки зрения, все страны бывшего Советского Союза могут по характеру их политических режимов и по характеру стоящих перед ними политических проблем быть поделены на три группы. Первая группа — это страны, которые уже построили демократические правовые системы, допускающие ротацию власти. Это — системы, основанные на общих «правилах игры», в рамках которых побеждать, приходиться к власти могут разные силы. Такие системы существуют в странах Балтии, здесь они возникли сразу и без особых проблем и такая система складывается или почти сложилась в Молдове. Вот эти четыре страны можно выделить в определенную группу. Противоположная группа — это группа стран, которые вообще на протяжении всего постсоветского времени не знали ротации власти. Так было в странах Центральной Азии и в России, где предшественник называл своего преемника.

И, наконец, есть большая переходная группа. К ней принадлежат страны, в которых ротации всё-таки были, но система, при которой они — норма, не сложилась. Так, в Украине и Белоруссии в 1994 г. один раз власть перешла к кандидату оппозиции (в Украине — к Кучме, в Белоруссии — к Лукашенко). Но те силы, которые пришли к власти в результате этой победы, сделали все возможное, чтобы построить систему, в которой второй раз тако-

го уже быть не могло бы. В Белоруссии — успешно, в Украине — не очень. Я думаю, к этой же группе можно отнести страны Южного Кавказа, где ротации были, но не конституционные ротации посредством механизмов выбора в рамках конституции, а ротации силовые, революционные, или с использованием силы. С этой классификацией совпадает более или менее классификация, которую делает каждый год Freedom House. Его оценки — это оценки степени свободы по шкале от одного до семи. Семь — это максимальная несвобода, один — это максимальная свобода. По этим оценкам за 2003 год все три страны Прибалтики имеют 1,5 балла (т.е. близко к максимальной свободе), Молдавия имеет 3,5, Грузия, Армения и Украина — 4, Россия — 5, Азербайджан, Киргизия и Казахстан — 5,5, Узбекистан — 6 и Туркменистан — 7 (такие оценки даются Северной Корее). Таким образом, по этим оценкам видим, что Азербайджан и Армения, при всех колоссальных культурных различиях и при всех сложностях взаимоотношений, не так уж далеки друг от друга по своим политическим системам, расстояние между ними значительно меньше, чем расстояние от каждой из них до Прибалтики.

Проблема, которая стоит перед всеми странами, кроме стран Балтии и Молдовы — это создать систему, при которой есть единые «правила игры», в рамках которых возможен приход к власти оппозиции. Для стран, в которых прихода оппозиции к власти вообще не было, это — очень трудно, как любое дело, которое предстоит сделать в первый раз, для стран, в которых какой-то опыт смены власти есть — несколько менее трудно. Но это — объективная задача, которую предстоит решать всем, кто её ещё не решил. Почему это объективная задача? Потому что, прежде всего, такая система соответствует общепринятым нормам, соответственно принятым всем миром представлениям о демократии и свободе, которую они и сами не отрицают. Эта «нормальная» для современного мира система является необходимым условием для стабильного социального и экономического развития.

Что же не дает Азербайджану прийти к такой норме, почему Азербайджан не может построить систему, допускающую ротацию власти? Начнем отбрасывать то, что явно не является причиной этого.

В Азербайджане есть опыт смены власти, прихода к власти оппозиции (хотя и не правовым путём). Эта смена власти, естествен-

но, была болезненной, но всё же не катастрофой. Она не влекла за собой ни затяжной гражданской войны, ни массового террора. Поэтому того страха смены власти, страха на минуту оказаться без сильной направляющей руки, который так характерен России, в Азербайджане нет.

Официальная идеология, идеология Гейдара Алиева, сейчас идеология Ильхама Алиева — отнюдь не антидемократическая. Вся официальная риторика сводится к тому, что мы строим демократию, мы осуществляем права человека и т.д., только при этом постоянно говорится (Гейдар Алиев говорил это сто раз), что Америка шла к демократии двести лет, а мы не можем за такой короткий срок пройти все это расстояние, дайте нам время, смотрите снисходительно на наши несовершенства. Это — не принципиально недемократическая позиция, а указание на неизбежные недостатки переходного периода. Таким образом, нет принципиального, идейного отрицания возможности прихода оппозиции к власти.

Может быть ситуация, когда теоретически признаётся возможность прихода оппозиции к власти, свободных выборов, но одновременно оппозиция такова, что приход её к власти чреват катастрофой — идеологической, социальной. Как это было, например, в Алжире, когда неожиданно на выборах победили исламисты, и это привело к военному перевороту. Ничего подобного в Азербайджане нет. В Азербайджане вообще нет сильных принципиально недемократических идеологий. Есть какие-то группы ваххабитов, Хизб-ут-Тахрир, и т.д. но это — очень маленькие, бессильные группы, коммунистических партий там четыре, но силы у них нет никакой. Вообще, если задаться вопросом, каковы идеологические разногласия между властью и оппозиционными силами, то найти ответ будет трудно. Вот я привожу цитату из большой статьи Рамиза Мехтиева, где он впервые обозначил Ильхама как преемника. «Кто как не Ильхам? — спрашивает Мехтиев, — Муталибов — беглец, Гулиев — вор, Али Керимов не способен подняться выше уровня провинциального политика, Иса Гамбар — младшего научного сотрудника». Это — не идеологическая полемика. Это — не программа против программы, не идеология против идеологии, это просто указание на личные недостатки, с точки зрения Мехтиева, лидеров оппозиции. В общем-то и со стороны оппозиции тоже не было ясной альтернативной программы - все сводит-

ся к тому, что у власти жулики и коррупционеры и т.д. Вообще в Азербайджане авторитаризм не такой уж жесткий и жизнь оппозиции очень бурная. Я периодически «окунаюсь» в азербайджанские газеты и в них одно и то же: Гасанкулиев встречался с Мамедовым, не значит ли это, что будет такой-то блок, или Иса Гамбар в последнее время сближается с Керимовым и т.д. То есть, происходит постоянное броуновское движение — кто-то с кем-то сближается, кто-то с кем-то ссорится, но обнаружить за этим идейную основу очень трудно, даже невозможно.

Вроде бы, в такой ситуации легко провести ротацию власти — ведь нет сильных идеологических различий, даже есть что-то вроде демократического консенсуса. Это совсем не похоже, например, на Россию при Ельцине, где была коммунистическая идейная альтернатива. Понятно, что приход коммунистов к власти был бы громадным социальным потрясением. Но каким потрясением может быть приход к власти тех, чьи идейные отличия от партии власти и определить-то невозможно?

Может быть, оппозиция в Азербайджане — просто слабая? Это — не так. Сказать, какой процент населения поддерживает оппозицию — невозможно, но мы можем судить об её силе по тому, что, в общем, для оппозиции вполне реально вывести на площадь 30-50 тыс. человек. Это для страны с семимиллионным населением. У нас в России — 140 миллионов, значит, такая демонстрация в России должна быть миллионной. В Москве такое было только в годы революции в 1991 году.

Так почему же всё же ротация в Азербайджане произойти не может? Все очень просто. То, что правящий клан этого не хочет — это понятно. При этом он не устанавливает какого-то очень жесткого репрессивного режима. Для того, чтобы не отдавать власть, ему достаточно контроля над избиркомами. Процент подтасовок в Азербайджане грандиозен. У нас в России считается, что между реальными результатами и теми результатами, которые объявляются — разница в 10 процентов. Есть регионы, где фальсификации — больше, есть — где меньше. Но в среднем — 10%. В Азербайджане же фальсификации — тотальны. Например, на парламентских выборах в 2000 году партия «Мусават» утверждала, что получила более 50 процентов голосов. По официальной версии она не прошла и 5-процентного барьера. Это — не десять процентов. Это фактически произвольные цифры. В этой ситуации оп-

Чингиз Самедзаде и Юлия Русыева/Raiker

Старое нефтяное месторождение в селе Балаханы (Азербайджан). Идет установка и ремонт оборудования.

Рена Эффенди/Raiker

В селе Хиналыг в Азербайджане нет водопровода. Одна из обязанностей женщин – приносить воду из горных родников.

позиция бессильна. Она может сочинять какие-то программы, объединяться, разъединяться, изобретать стратегии. Результат — нулевой.

Пока был жив Гейдар Алиев, все мечты оппозиции были связаны с тем, что он умрет. Мечты эти доходили до неприличия. В газетах появлялись статьи, что он значительно более больной, чем говорят, что ждать осталось недолго. Это была надежда на дестабилизацию ситуации в связи с проблемой передачи власти. В принципе это надежда резонная, особенно в отсутствие режима упорядоченного процесса передачи власти. И вторая надежда — на то, что «Запад нам поможет», что Америка не даст санкции на передачу власти Ильхаму, и Россия тоже не даст санкции, ибо это уж совсем неприлично.

Но все эти расчёты (если это можно назвать расчётами) не оправдались. Результаты выборов президента, естественно, снова были подтасованы. Иса Гамбар утверждает, что он получил большинство. Проверить это невозможно, но я вполне это допускаю. Но в Азербайджане ты можешь получить сколько угодно голосов — ЦИК всё равно выдаст тот результат, который нужен. Власть подготовилась и могла рассчитывать на силовые структуры. США поморщились, но активно влезать не стали, ограничившись признанием выборов не соответствующими стандартам и тем, что не дали арестовать Ису Гамбара. Что делать? Оппозиция вывела своих сторонников на улицы, но они натолкнулись на оцепления полиции, которая не собиралась переходить на сторону оппозиции. Варианта два — начинать вооружённую борьбу, или расходиться по домам. Разошлись по домам.

Оппозиция сейчас, насколько я понимаю, находится в полной растерянности, потому что вся стратегия строилась в расчёте на смерть Гейдара и на то, что мир такого позора, как передача власти сыну, не допустит, и больше никакой стратегии нет. Ильхам достаточно молодой человек и рассчитывать на его смерть или уход по болезни не приходится. Да и это может ничего не дать. Клан может найти нового кандидата и снова сфальсифицировать выборы.

Как Азербайджан выйдет из этого тупика — я не знаю. Ясно только, что вся эта ситуация предполагает радикализацию оппозиции. Выборы сами по себе ничего не дают — сколько бы голосов ты реально на них не получил. Надежды на «доброе дядю» из

Вашингтона не оправдались. Конечно, США и Запад в целом могут помочь, но США — как Господь Бог, они помогают тем, кто сам себе помогает. Оппозиция должна рассчитывать на себя и на какие-то уличные, «несистемные» методы борьбы.

Она не может победить чисто выборным путём. Она сможет победить только, если результаты выборов будут подкреплены какими-то очень мощными массовыми выступлениями, больших масштабов и более организованными, чем выступления во время президентских выборов. Настолько массовыми, что власть просто испугается прибегнуть к силе и что они вызовут раскол в правящей группировке.

Я уверен, что рано или поздно это произойдёт. Но надо иметь в виду, что такая ротация ещё не обязательно будет означать победу демократии. Я уже говорил, что в Азербайджане нет серьёзных антидемократических сил. Кроме одной — неправового сознания общества, лояльности к «своим», которая значительно выше лояльности к законам. Оппозиция может прийти к власти, естественно, под лозунгами демократии, но это ещё не значит, что она сама не будет в дальнейшем фальсифицировать выборы. Только тогда, когда азербайджанцы будут видеть в таких фальсификациях не обычную и нормальную помощь своим людям, как естественной и нормальной считается, например, помощь родственникам при поступлении в вуз или на работу (формально — вроде незаконно, но все так делают, и это не ощущается как аморальное деяние — не отказывать же родственнику), а как настоящее преступление, в Азербайджане будет демократия. Все прочие условия для этого есть.

Проблема остается. Ротация возможна, но проблема не столько — идейное неприятие к демократии, его нет, сколько невозможность психологическая. У меня нет полной уверенности, что если победят оппозиционеры, то выборы будут более честные. А проблема ведь вот такая: один переход власти без крови — не главное, а главное — создать механизм открытости, главное — не то, чтобы не захватить эту власть, а то, чтобы найти достаточно сил, чтоб уйти от этой власти. Вот в этом деле Азербайджану предстоит еще пройти очень большой путь. Словом, не до падения этой династии, а до создания вот этого механизма и до создания демократического механизма.

Армения: что показали выборы

2003 год в Армении ознаменовался выборным марафоном, начавшимся еще в конце октября предыдущего 2002 года с выборов в местные органы власти. Потом были выборы президента, а 25 мая 2003 года прошли выборы парламента и референдум по поправкам к действующей Конституции.

За семь месяцев избирателям довелось выразить свое отношение ко всей политической элите страны, к основному закону республики, к политическим партиям, в том числе и к партиям, до выборов никому не известным. Политическая система подверглась напряжению самими выборами, митингами после них, непризнанию результатов выборов проигравшими сторонами, ну и, конечно, очередным заявлениям ОБСЕ о том, что выборы «не вполне соответствует стандартам ОБСЕ».

При этом и парламентские, и президентские выборы были чрезвычайно атипичными как для Армении, так и для региона. Они в каком-то смысле высветили характерные черты особого, подспудного политического развития Армении, не видные на поверхности в более спокойные периоды. Что же можно увидеть, если попытаться проанализировать эти события?

Президентские выборы

Это были первые за всю историю кавказских стран выборы, в которых действующий президент победил не в первом туре. Причем до необходимых пятидесяти процентов Кочарян недобрал всего две тысячи голосов. В контексте постсоветской политической культуры это довольно странно. Понятно, что готовый к узурпации власти президент, обладающий соответствующим административным ресурсом, вполне может ограничиться одним туром, если не «референдумом о бессмертии», как, например в центральноазиатских странах, и натянуть полпроцента голосов — не очень большая проблема. Соответственно, либо президент этого сделать не захотел, либо ему что-то помешало.

Предвыборная кампания поначалу шла предсказуемо. Кандидатов всего было девять, однако лишь трое были способны перешагнуть пятипроцентный барьер. Это действующий президент Роберт Кочарян, глава Народной партии Степан Демирчян и лидер партии «Национальное единение» Арташес Гегамян. Эти трое символизировали собой три вида электорального поведения граждан Армении — голосование за стабильность, ностальгическое голосование и протестное голосование.

Гегамян, мэр Еревана в позднесоветские времена, боролся за протестные голоса. Его риторика была чисто негативной и сводилась к яростной критике власти, обвинениям ее в коррупции и клановости. Особый упор в его риторике делался на социальные проблемы, бедность и отток населения, и потому Гегамян мог рассчитывать на значительную часть электората, особенно в бывших промышленных центрах, превратившихся с коллапсом советской экономики в «мертвые города».

Однако Гегамян поторопился — он начал собирать массовые митинги с первых же дней предвыборной кампании, и звучавшая на них критика вскоре достигла возможно высокого накала. Изо дня в день повторяемые лозунги «борьбы с преступным режимом» и обещания отдать предшественников под суд в случае победы вскоре утомили электорат, и он постепенно начал перетекать к другим кандидатам, в основном к «ностальгическому» кандидату — Демирчяну.

Уже к первому туру выборов Степан Демирчян лидировал среди оппозиционных кандидатов. Его кампания была построена на эксплуатации харизмы его отца Карена Демирчяна — последнего руководителя Советской Армении, вернувшегося в политику на первой ностальгической волне 90-х годов и погибшего во время теракта в парламенте в 1999 году. Похожий на отца внешне, Степан Демирчян оказался идеальным символом ностальгии по советской жизни. В результате (и отчасти благодаря ошибкам Гегамяна) Демирчяну удалось мобилизовать не только весь ностальгический электорат, но и как минимум часть протестного.

За действующего президента голосовали сторонники стабильности — в первую очередь те, кому есть что терять в случае дестабилизации, кто так или иначе смог состояться в новой экономике. Количество голосовавших за стабильность в лице Кочаряна оценить сложно, тем более, что Кочарян, как и все постсо-

ветские президенты, использовал на выборах властные ресурсы.

Первый и основной ресурс — собственно административный: государственные служащие и те, кто от них в той или иной мере зависит. Второй ресурс — бизнесмены. Бизнес во всех постсоветских странах, в силу неразвитости экономики и ее клановой структуры, сильно зависим от государства и связан с ним. Мобилизация зачастую криминализованных бизнес-элит позволяет организовать «правильное» голосование далеко не только работников соответствующих предприятий. Круг людей, на которых влияют многочисленные местные бизнес-князьки, достаточно велик. Иногда даже особенной мобилизации и не требуется: бизнесмены сами понимают, что для них может означать смена власти, а следовательно, новый дележ пирога — ведь, например, получение лицензии на сколько-нибудь существенный экспорт-импорт в страну чего угодно, от бензина до сигарет, зависит от благорасположения властей. Третий ресурс — СМИ. Освещение этой избирательной кампании в СМИ, особенно электронных, контролировалось государством.

Давление сверху и фальсификации — наиболее статичный элемент выборов, ничего на самом деле не прибавляющий к их пониманию. Были ли фальсификации? Несомненно. Могло ли бы их не быть? Нет, не могло. Вертикаль власти в государствах бывшего СССР устроена таким образом, что подыгрывание власти происходит даже и без особых указаний сверху (что не означает, что этих указаний не поступает). Обладают ли в Армении действующие власти неограниченными возможностями для нарушений? Скорее всего, нет, ибо там, где власти чувствуют себя настолько уверенно, что не боятся сопротивления общества, никаких фальсификаций не требуется. Такого рода патерналистские режимы существуют в ряде стран бывшего СССР (в частности, в некоторых регионах России) и в них выборы проходят гладко, ни о каких демонстрациях речи не идет.

О том, почему Роберт Кочарян отказался от победы в первом туре, есть разные теории, вплоть до самых экзотических типа угрозы переворота. Очень похоже, что решение было принято в ночь после голосования, с 19 на 20 февраля. Скорее всего, давление на президента было внешним по отношению к предвыборной стратегии, а то и географически внешним.

Ко второму туру выборов почти вся оппозиция объединилась

вокруг Демирчяна. Митинговая активность нарастала. Оппозиция отказывалась признать результаты первого тура, заявляя, что официально набравший 28,2 % Демирчан в нем на самом деле победил. Когда были объявлены результаты второго тура, где Кочарян обыграл Демирчяна с перевесом вдвое (67,5 процентов против 32,5), оппозиция не признала и их. При этом заявления оппозиции звучали в унисон с заявлениями группы наблюдателей ОБСЕ и Госдепартамента США.

Заявление ОБСЕ, в котором выборы признаются не соответствующими международным стандартам, было, судя по всему, мало связано собственно с ходом выборов. Нарушения-то, конечно, были, но причины реакции ОБСЕ лежат в другой сфере. Дело не только в некомпетентности международных бюрократов и единой шкале оценки выборов в «устойчивых» и «молодых» демократиях. ОБСЕ учитывает множество факторов. Предстояли выборы в Азербайджане - стране с принципиально другой политической культурой. Ввиду карабахского конфликта, возможно, было решено не создавать явный диспаритет в оценке выборов. Не исключено и влияние внешних по отношению к Европе политических сил. Недаром за заявлением ОБСЕ по Армении последовало, пожалуй, столь же жесткое заявление Госдепа США. В преддверии войны в Ираке недавние парламентские выборы в Турции были оценены не так строго, притом, что грубые нарушения, особенно на востоке страны, там были несравнимы с армянскими. В Турции работала миссия во главе с тем же Питером Айкером, только в составе пяти, а не двухсот человек, как в Армении, и неделю, а не два месяца, при 70 миллионах населения против трех в Армении.

Но в любом случае заявления ОБСЕ были с воодушевлением восприняты оппозицией, тем более, что предстояли еще выборы парламентские.

Парламентские выборы

Эти выборы также были интересны как по способу протекания, так и по результатам. Оппозиция воспринимала их как «последний бой», а торжествующие победу пропрезидентские силы — как возможность окончательного разгрома оппозиции. Однако, судя по результатам выборов, и те, и другие были правы лишь отчасти. Причем очень сильно отчасти.

Во-первых, *провалился референдум по поправкам к Конституции*, и провал этот беспрецедентен в буквальном смысле слова. Вынесенные на референдум поправки к Конституции должны были, в числе прочего, существенно увеличить полномочия президента. Референдум был инициирован президентом и усиленно им продавливался. Налицо первый в истории постсоветского пространства случай, когда властям не удалось добиться положительного голосования на инициированном ими референдуме. Причем это случилось в государстве, в котором, если судить по заключениям наблюдателей от ОБСЕ, результаты выборов складываются не из поданных голосов, а из массивных фальсификаций.

Во-вторых, расклад в новом парламенте тоже не вполне постсоветский, хотя наибольшее количество голосов и набрала главная пропрезидентская сила – Республиканская партия. Эта партия аналогична существующим во всех странах бывшего СССР партиям власти, в реальности представляющим собой неидеологические объединения чиновников и окол властной буржуазии. Почти единственным ресурсом Республиканской партии был административный: именно ввиду ее чиновничьей сути и отсутствия идеологии, сторонников в собственном смысле слова у нее нет, или почти нет. Именно в ее пользу и совершались фальсификации, будь то знаменитое «открытое голосование военнослужащих» или подкуп избирателей. Это не означает, что в пользу других партий не было подкупа, но существенным орудием для получения голосов подкуп и фальсификации были именно в случае Республиканской партии, которая воспринималась государством как «своя». И что же? *Республиканская партия набрала 24%* голосов в парламенте по пропорциональным спискам. Не 100, не 67 (квалифицированное большинство) и даже не 51 (простое большинство), как предположил бы всякий, кто знаком с опытом постсоветских стран, а 24 процента! Ничего похожего на полное и безраздельное господство в парламентах стран-соседей «Нового Азербайджана», «Союза граждан Грузии» или российского «Единства».

В-третьих, *в парламент прошел блок «Справедливость»* - блок сторонников Степана Демирчяна, конкурента Кочаряна на президентских выборах. В парламент прошли 17 депутатов от «Справедливости» (затем уже в парламенте несколько человек

прибавилось из одномандатников), и хотя это не могло оказать никакого влияния на работу парламента (всего в нем 131 депутат), но сам факт, что оппозиционеры набрали эти голоса, уже достоин внимания. «Справедливость» — это не обычная политическая оппозиция, это оппозиция системная, она отрицает легитимность политической системы в целом и абсолютно всех составляющих политической реальности в частности, включая президента и парламент (!). Если обратиться к опыту соседних стран, то такие деятели там находятся или в тюрьме, или за границей. Соответственно, следует предположить, что власти не смогли или не захотели (что, строго говоря, в данном случае одно и то же) отстранить системную оппозицию от политики вообще, как отстранили Расула Гулиева в Азербайджане или Березовского в России.

Четвертым интереснейшим феноменом выборов стал тот факт, что *все без исключения проправительственные партии прошли в парламент, используя антиправительственную риторику*. И «Страна законности» и Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» в предвыборной агитации использовали существующее в обществе социальное напряжение и недовольство. Причем это делали не только партии, в целом пытавшиеся завуалировать свою лояльность власти, но и те, которые ее не скрывали! Вообще, весь ход предвыборной кампании очевидным образом свидетельствовал о том, что борьба шла именно на электоральном поле, что на посткоммунистическом пространстве бывает далеко не всегда. Такие инструменты борьбы, как манипулирование телевизионным временем, создание антиправительственных имиджей у проправительственных партий, да, собственно, даже и подкуп избирателей, совершенно не нужны, если президентская власть может позволить себе любые желаемые фальсификации на этапе подсчета голосов. В Армении же реальные голоса, судя по всему, имели значение. Поэтому, на фоне социальных проблем и уже ставшего традиционным для этой страны высокого накала оппозиционной активности, прагматичные партийные лидеры подстраивались под господствующие в обществе оппозиционные настроения.

Пятый феномен прошедших выборов — то, что партия «Рамкавар-Азатакан» (либерально-демократическая) не преодолела пятипроцентный барьер и не прошла в парламент. Показательно

это не только потому, что эту партию открыто поддерживал Ара Абраамян — этнический армянин, крупный российский бизнесмен, президент Союза армян России, воспринимающийся в Армении как «представитель России». Казус в том, что эта партия была самой (или даже единственной) открыто лояльной президенту и на предвыборную кампанию потратила огромные деньги. Косвенным образом поражение этой партии подтверждает правильность стратегии остальных.

Наконец, шестой сенсацией выборов стало избрание в парламент *Объединенной трудовой партии*. Партия была создана всего год назад одним из крупных армянских бизнесменов и не имеет никакого отношения ни к оппозиции, ни к властям. Ее успех — результат грамотно проведенной подготовки к выборам и сосредоточения усилий в некоторых избирательных округах, а не распыления энергии и средств по всей стране. Победа ОТП убедительно свидетельствует, что в нынешней Армении с помощью технологии и денег можно добиться результата, недостижимого в репрессивных режимах.

Незаконодательный парламент

В итоге в парламенте — и шире, в государственных элитах в целом — складывается система, которую политологи обычно называют «шумпетерианской демократией». Выпадает из этой системы только блок «Справедливость», члены которого получили мандаты, но работу парламента бойкотируют. Являясь не политической оппозицией в собственном смысле этого слова, а неким атавизмом эпохи антикоммунистической революции, фракция «Справедливости» обречена на то, чтобы, по меткому выражению одного из армянских политологов, превратиться в команду библейских пророков, использующих трибуну для декламации заповедей: «не убий, не укради, не прелюбодействуй». Занятие, в общем, небесполезное, но совершенно непарламентское, как минимум в условиях Армении. Ибо армянский парламент — не только не парламент времен борьбы с коммунизмом и «преступным режимом», но даже не законодательный орган в полном смысле этого слова.

Формально правительство строится на основании коалиции трех партий: Республиканской, «Страны законности» и Дашнакцутюн. В этом есть внутренняя логика: парламент и правитель-

ство просто обречены быть коалиционными, отнюдь не только (и не столько) в смысле коалиции между политическими партиями. Прежде всего, потому, что сформировавшихся политических партий в Армении просто нет. Нынешние партии — довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся таким образом достижения своих карьерных целей, лоббистские структуры, электоральные механизмы или профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр. Партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении еще нет. Общество еще не выработало той политической культуры, в которой осознается сама необходимость представительства такого рода интересов в законодательном собрании.

А раз так, то политическое поле занимают элитные группы. В основном, в силу бедности страны и слитности бизнеса и политики, проистекающей из этой самой бедности, это элитные группы бизнеса. Причем бизнеса крупного — естественно, по армянским меркам. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой и с государством. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам — вот основное содержание внутренней политики Армении. Все больше и больше эта «политика» перемещается в законодательное собрание. В новый парламент прошло множество бизнесменов. Перед выборами они аккумулировали финансовые средства, затем использовали их с выгодой для себя, и в обмен получили место в парламенте. Избирательный штаб президента должен был сначала обратиться к ним, чтоб они аккумулировали финансовые средства и обеспечили их расходование так, чтобы прошли в парламент кандидаты, лояльность которых не вызывает сомнений. То есть в данном случае, в основном они же сами. Понятно, что кто-то из них выиграл, а кто-то проиграл, кого-то обманули, но общим итогом этого процесса могла стать только коалиция. Коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и им-

портеров. Президентская власть — лишь часть этой системы. Не имея возможности приказывать, власть должна договариваться, а следовательно, вступать в коалицию.

Понятно, что в таком парламенте представители прошлой эпохи, интеллектуалы и либералы, говорящие о моральных нормах и о строительстве истинной демократии, окажутся в изоляции. Вообще-то технически правильным было бы включить их в процесс реальной политики, дать им некоторый сегмент в политике, включить в реальную законотворческую деятельность, дать им некоторые министерские посты, такие, скажем, как министерство культуры. Таким путем можно было бы перевести их из ранга системной оппозиции в оппозицию действительно политической. Это было бы чрезвычайно трудно сделать, так как сам блок «Справедливость» не настроен на сотрудничество. Зато в случае успеха такого рода действия стабилизировали бы политическую систему, поскольку, будучи вытеснены из парламента, оппозиционеры уведут политику во внепарламентское поле, то есть в уличные митинги, неправительственный сектор, продолжение в прессе дискурса о нелегитимности президента, парламента и пр. Однако, с очевидным поражением оппозиции и на президентских, и на парламентских выборах, президент получил возможность счесть такие меры излишней роскошью, и просто изолировать «Справедливость» от реальной политики. Следует признать, что в результате выборов система и в самом деле стала несколько более устойчивой, чем прежде, когда системная оппозиция была больше представлена в парламенте. Но, так или иначе, изоляция значимой социальной и элитной группы от реальной политики — не самый благоприятный фактор для развития.

Что же касается основной части политического спектра — то есть представителей различных бизнес-групп в парламенте, — то они вступают в союзы и расходится, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Просто извне это обычно не так заметно. Система будет более устойчива изнутри, поскольку в новом парламенте депутаты, не признающие легитимность государства как такового — экзотика. В целом же элементы неустойчивости в политической системе остаются, и сохранятся до тех пор, пока политика будет оставаться почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы будут включаться в

нее практически только во время выборов — своего рода стихийного бедствия. Это будет меняться, ибо политическая система развивается именно в направлении такой модели, при которой парламентарии представляют интересы неких групп населения — можно считать, что они уже их и представляют, только группы эти еще очень узкие.

Собственно эта реальность подлинной структуры политического поля Армении и проявилась на поверхность в 2003 году — году выборов. С тем, чтобы опять «уйти» в глубины государственного аппарата и тесно связанной с ним бизнес-элиты, в те самые узкие группы, которые и представляют новые парламентарии-бизнесмены. До следующих выборов или смены власти, а потом — опять до следующих, пока экономический рост не приведет к расширению этих групп и к осознанию ими потребности политического представительства. На это уйдет не один цикл выборов.

При работе над статьей были использованы материалы из архива прессы Кавказского института СМИ.

Рубен Мангасарян/Раiker

Центр Еревана. Каскад.

«Революция роз» в Грузии: что бы это значило?

Во всех трех государствах Южного Кавказа в 2003 году прошли общенациональные выборы. Но если в Армении и Азербайджане их итоги в целом не вышли за рамки прогнозов, то в Грузии парламентские выборы 2 ноября привели... к смене президента. Не в последнюю очередь ввиду того, что досрочно (и бескровно!) смещенным президентом оказался не кто-нибудь, а многоопытный Эдуард Шеварднадзе, событие сие немедленно было возведено в ранг революции. Впрочем, последовавшая за ним смена практически всего «личного состава» во властной пирамиде, и существенные изменения в технологии управления государством, стали оправдывать тот интерес, который Грузия привлекла к себе.

О причинах революции

Не стану утверждать, будто бы происшедшее в Грузии в ноябре 2003 года предсказывалось аналитиками (в том числе — автором этих строк), и уж тем более планировалось оппозицией. Страна как бы смирилась с мыслью, что Эдуард Шеварднадзе «дотянет» свой последний срок до апреля 2005 г., но поскольку именно избранному в ноябре 2003 г. парламенту предстояло быть переходным от режима Шеварднадзе к постшеварднадзевской эпохе, значение этим выборам придавалось куда большее, нежели в 1995 или 1999 годах. К тому же на фоне гнетущей беспросветности последних лет общество хотело увидеть перемены, не дожидаясь 2005 года, ища хоть каких-нибудь признаков оздоровления политико-экономического климата в стране. Видимо, грузинское общество за годы новой независимости пресытилось постсоветской полуправдой, и терпение его было на пределе. Но ни Шеварднадзе, ни его окружение настроений в обществе не уловили. Первый — потому, что уже явно устарел для адекватного восприятия веяний времени. Окружение — потому, что всецело соответствовало вкусам устаревшего Шеварднадзе. Поэтому они и не смогли отреагировать на многочисленные сигналы

бедствия, звучавшие последние годы, и однозначно свидетельствовавшие о том, что их корабль идет ко дну. Среди таковых достаточно выделить четыре:

1. Президентским выборам 2000 г. население Грузии по существу объявило пассивный бойкот, в большинстве своем не придя на участки для голосования¹ (для признания президентских выборов состоявшимися требуется участие в них 50%+1 избирателя), и, таким образом, лишив Шеварднадзе не только мандата доверия, но и фактической легитимности.
2. За этим последовал развал Союза граждан Грузии (СГГ), оставивший рядом с Шеварднадзе лишь политически неконкурентоспособных временщиков и стяжателей, неспособных к управлению государством в соответствии с требованиями времени.
3. Осенний кризис 2001 г. продемонстрировал, что общество более не желает быть сторонним наблюдателем за бездарными действиями властей, и накапливает энергию для непосредственного вмешательства в политические процессы².
4. Провал остатков правящей партии на местных выборах 2002 г. (СГГ не сумел преодолеть в столице 4%-ый избирательный барьер и остался без единого представителя в тбилисской легислатуре) стал прелюдией в форме траурного марша к бесславному концу режима Шеварднадзе.

Последнее обстоятельство суживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. Несмотря на всю ущербность местного самоуправления в Грузии, возникновение в столице оппозиционного Сакребуло (Городского совета), да еще и во главе с деятель-

¹ По заявлению руководителя осуществлявшей наблюдение за выборами в общенациональном масштабе международной организации «Справедливые выборы» под руководством Нугзара Иванидзе, количество избирателей, принявших участие в выборах, было значительно ниже официально объявленного. См. Агентство «Прайм-Ньюс», Тбилиси, 10 апреля 2000 г.

² В октябре 2001 г. попытка грубого давления со стороны властей на независимую телекомпанию «Рустави-2» повлекла за собой массовые акции протеста, в ходе которых Республиканская партия впервые выдвинула лозунг «Грузия – без Шеварднадзе». Разразившийся правительственный кризис, однако, сколько-нибудь серьезного пересмотра технологии осуществления власти президентом Шеварднадзе не принес. Гора в очередной раз родила мышь, вернее, «новое» правительство оказалось последним политическим выкидышем Шеварднадзе. – *Прим. авт.*

ным Михаилом Саакашвили, знаменовало собой становление оазисов оппозиционной власти. Визуально это было оформлено водружением над зданием мэрии нового знамени с пятью крестами (ставшего впоследствии государственным флагом Грузии), а по существу проявилось в реальных делах (ремонте лифтов и крыш в жилых зданиях, устройстве игровых площадок на территории города, прибавке к пенсии тбилисским пенсионерам). Саакашвили инициировал крестовый поход против всеобъемлющей коррупции, и достаточно быстро продемонстрировал, что если не разворовывать пусть и скудные бюджетные средства, то можно сделать кое-что реальное.

Шеварднадзе же, сделав ставку на коррумпированную бюрократию в поисках гарантий для себя и своей семьи после истечения последнего президентского срока (подобная проблема стояла перед президентом Ельциным в России), загнал себя в угол. В период его правления Грузия неуклонно превращалась в страну взаимного недоверия, где народ тотально не доверяет своему правительству, а правительство — народу.

То, с чем Шеварднадзе вышел на парламентские выборы 2003 г., и что в обиходе именовалось «правительственным блоком», а официально — «Альянсом за новую Грузию», выглядело чудовищным мутантом даже в условиях многое уже повидавшей к тому времени Грузии. Коктейль из несостоявшихся политиков с обанкротившимися, разбавленный сомнительными персонами, вообще не имевшими отношения к политике, превратился в такое «пойло», осилить которое могли разве что люди, начисто лишённые вкуса и обоняния. Именно стремление этой «силы» сохранить за собой власть во что бы то ни стало, а в сложившейся ситуации это можно расценить как попытку узурпации власти, предопределило народное возмущение. При этом фальсификация итогов выборов послужила лишь импульсом для революционных процессов (удивить грузин мошенничеством на избирательном ристалище, право же, было трудно).

Важнейшим же стало то обстоятельство, что реальная оппозиция на этих выборах оказалась сильной, как никогда прежде. Популярный и энергичный Михаил Саакашвили нашел в союзники своему «Национальному движению за демократические реформы» две пусть и небольшие, но имеющие авторитет в определенных сегментах общества партии — Республиканскую (в интеллектуаль-

ной среде) и Союз национальных сил (в среде «просвещенных» звиадистов³). Бывший спикер парламента Зураб Жвания, на сей раз четко осознавший собственную уязвимость в силу напрашивавшихся параллелей между его и шеварднадзевскими политтехнологиями, в качестве «лица» своего избирательного субъекта привлек действующего спикера парламента Нино Бурджанадзе, пользовавшуюся растущей благорасположенностью менее радикально (но тоже оппозиционно!) настроенной части общества. Избирательные блоки «Саакашвили – Национальное движение» и «Бурджанадзе – Демократы» стали восприниматься как реальная альтернатива режиму Шеварднадзе. Что немаловажно: поверили им, похоже, не только в Грузии, но и на Западе, и, в первую очередь, в США. Ведь, кроме всего прочего, в этих блоках были объединены деятели, накопившие опыт пребывания как в законодательной, так и в исполнительной власти (удержаться в последней они не смогли ввиду принципиальных расхождений с шеварднадзевскими подходами к управлению государством). А сами лидеры – Саакашвили и Бурджанадзе – зарекомендовали себя как политики нового поколения с четкой прозападной ориентацией.

Таким образом, в обществе появился политический ориентир – реальная альтернатива обанкротившейся (или, если угодно, проворовавшей) власти. Но вряд ли события привели бы к тем результатам, которыми завершился ноябрь 2003-го, не будь еще нескольких факторов. Колоссальную роль сыграли свободные СМИ, прежде всего – популярная телекомпания «Рустави-2», поставившая ва-банк на Саакашвили. Этот телеканал организовал exit polls (опросы проголосовавших на выходе из избирательных участков. – *Прим. ред.*) в день выборов 2 ноября и выпустил соответствующие данные в эфир еще до появления первых официальных результатов (тем самым изначально создав атмосферу неприятия обществом официальных итогов выборов); затем в прямом эфире транслировал митинги и манифестации протеста, был практически круглосуточно открыт для оппозиции и поддерживавших ее представителей неправительственных организаций, способствовал мобилизации масс на решающем этапе акций про-

³ Звиадистами в Грузии называют последователей первого президента Звиада Гамсахурдиа. – *Прим. авт.*

теста. Благодаря этому «революцию роз» фактически в режиме on-line наблюдало все население Грузии (а посредством канала CNN, проявившего к грузинским событиям поистине беспрецедентное внимание, в курсе дел мог быть буквально любой заинтересованный человек на земле). Неплохо поработали на революцию и некоторые другие местные телеканалы и газеты, особенно после того, как почувствовали, на чьей стороне оказалась инициатива⁴.

Зрелость и ответственность проявило гражданское общество (зарубежные доноры могут занести это обстоятельство себе в актив). Здесь, в первую очередь, следует упомянуть молодежное движение «Кмара» («довольно», «хватит»), начавшее кампанию против власти и за активное участие избирателей в выборах задолго до ноября. Это движение успешно использовало опыт своего сербского собрата «Отпор», творчески перенеся на грузинскую почву опробованные в Сербии (и Словакии) технологии. Шумные и задиристые «кмаровцы», хоть и вызывали порой раздражение обывателя, сумели провести свою кампанию по нарастающей, а когда в массовых акциях протеста после выборов наступил было временный период спада, то сумели поддержать энтузиазм людей собственной самоотверженной активностью. Нельзя не упомянуть и «Комитет неповиновения», сформированный революционерами из среды интеллектуалов, который сыграл важную (интеллектуальную!) роль в повседневной работе с людьми.

Следует также отметить подчеркнуто мирный характер всего происшедшего (кажется, именно этим привлекли грузины на свою сторону особые симпатии демократического сообщества). Тот факт, что за три недели бушевавших страстей не было сломано ни одной витрины, не пострадал ни один автомобиль, не были вытоптаны даже цветы на главной улице города, удивил самих темпераментных грузин. А как при этом еще удалось избежать провокаций (не прозвучал ни единый роковой выстрел, не разорвалась ни одна боевая граната), могущих привести к действительно непредсказуемым последствиям, хотя желающих и способных на осуществление подобных провокаций должно было быть немало, до сих пор остается тайной.

⁴ В интервью французской газете Le Monde 10 марта 2004 г. среди основных причин, предопределивших успех революции, Михаил Саакашвили наряду с единством оппозиции выделил и наличие в Грузии свободных СМИ.

Отдельно нужно выделить фактор Саакашвили. Харизматический лидер, продемонстрировавший незаурядную способность мобилизации масс, он проявил также удивительную политическую интуицию, буквально пройдя по лезвию ножа в бурные ноябрьские дни, и ни разу не оступившись. Надо отдать должное и спикеру парламента Нино Бурджанадзе: когда окончательно утративший контроль над ситуацией Шеварднадзе попытался было ввести чрезвычайное положение, она не побоялась объявить, что берет на себя исполнение функций президента (по конституции Грузии именно спикер парламента является вторым лицом в иерархии власти).

Наконец, главный игрок — народ. Особенностью «революции роз» стало то, что, несмотря на все тяготы повседневной жизни, в холодные и дождливые ноябрьские дни люди (преимущественно это были горожане зрелого возраста, зачастую приходившие на акции протеста целыми семьями, но отнюдь не зеваки или бузотеры) сутками простаивали на улицах не под социальными лозунгами, а в стремлении сохранить свое человеческое достоинство, положить конец лжи и издевательствам. Избиратель отстаивал свое право избирать, т.е. — право отстранять от власти негодное правительство (очевидно — главное завоевание революции). Применить насилие против столь высокой мотивации не отважились ни полицейские, ни солдаты внутренних войск (регулярная армия вообще не появилась на улицах Тбилиси).

*Георгий Цагарели-Дима Чиквадзе
/Parker-Soyuz Media Center*

Революция роз в Тбилиси. Грузинские флаги.

Информация к размышлению

Итоги парламентских выборов 2 ноября 2003 г. (в левом столбце таблицы представлены официальные данные Центральной избирательной комиссии, в правом – данные параллельного подсчета голосов, осуществленного добросовестно отработавшей организацией «Справедливые выборы»), дают немалую пищу для размышлений.

№	Партия/блок	% голосов ЦИК	% голосов ППГ
1	За новую Грузию (Шеварднадзе)	21.32	18.92
2	Союз Возрождения (Абашидзе)	18.84	8.13
3	Саакашвили – Национальное движение	18.8	26.6
4	Лейбористская партия	12.04	17.3
5	Бурджанадзе – Демократы	8.79	10.15
6	Новые правые	7.35	7.95

1. Если бы шеварднадзевский блок удовлетворился своими «завоеваниями» на первом этапе манипулирования выборами (голосование под давлением административного ресурса – именно эти данные зафиксированы ППГ), и не пошел бы на дальнейшее извращение итогов уже на уровне окружных и Центральной избирательной комиссии (фальсификация этого уровня отражена в официальных результатах), то имел бы шанс сохранить контроль над парламентом и продлить пребывание Шеварднадзе у власти до конца его президентского срока.

2. Лояльное отношение к официальным итогам выборов со стороны предъявлявших претензии на оппозиционность лейбористов и «Новых правых», а также их самоустранение от участия в революции, подтверждает, что они были готовы пойти на сделку с Шеварднадзе, и оставить не у дел реальную оппозицию. Непонимание сути развившихся процессов и избыточная боязнь перемен (Новые правые⁵), равно как и общая неадекватность на почве очевидного дефицита интеллекта (лейбористы) впрочем, обошлось им дорого: и те, и другие, потеряли значительную часть своего электората, в результате чего лейбористы вообще не

⁵ Представители этой партии умудрились заявиться на первое заседание «новоизбранного» парламента, созванное Шеварднадзе 22-го ноября, и так и не успевшего признать собственные полномочия – *Прим.авт.*

преодолели 7%-ый избирательный барьер на повторных парламентских выборах 28 марта 2004 г., а Новые правые вместе с Промышленниками добились лишь минимального представительства в новом парламенте.

Абашидзево «Возрождение» и вовсе десантировалось в ноябрьский Тбилиси своих подневольных сторонников, до последней минуты пытаясь спасти режим Шеварднадзе. Тем самым партнерская связка Шеварднадзе-Абашидзе, в течение десятилетия прикрывавшаяся видимостью конкуренции, выявила себя полностью. После же того, как собственная охрана увела Шеварднадзе с политической арены, тоталитарный режим Абашидзе в Аджарии стал выглядеть даже не анахронизмом, а просто атавизмом, без всяких перспектив вписаться в новые политические реалии Грузии⁶.

4. Относительная неудача Бурджанадзе-демократов (на начальном этапе избирательной кампании персональный рейтинг Бурджанадзе почти сравнялся было с рейтингом Саакашвили) объясняется личной непопулярностью Жвания с одной стороны, и недостаточной агрессивностью их избирательной кампании с другой; именно наступательный характер кампании Национального движения, вступившего в неравную схватку с властями на заповедных ранее территориях – в Аджарии и в регионе Квемо Картли – предопределил переход немалой части электората от Бурджанадзе-демократов к Саакашвили-Национальному движению.

5. Досрочные президентские выборы 4 января и повторные парламентские выборы 28 марта 2004 г. стали, по сути, вотумом доверия революционным властям Грузии. Именно с этой точки зрения должны стать понятными вызывающие дискомфорт, но совершенно предсказуемые результаты этих выборов (Саакашвили получил 96% голосов в свою поддержку, а объединенный список Национального движения и Демократов – около двух третей голосов избирателей)⁷.

⁶ 6 мая, не имея реальной возможности удержать власть под напором протестующих масс, Абашидзе ретировался в Москву. Событие это произошло уже после написания данной статьи, и заслуживает отдельного разговора – *Прим. авт.*

⁷ См. например: Georgia politics: Domestic political outlook, Economist Intelligence Unit, #301, 22 March 2004

Некоторые выводы

Что касается собственно революции, то позволю себе противоречащий логике и канонам аналитики вывод: происшедшее в Грузии в ноябре 2003 г. — явление положительное, вне зависимости от того, что произойдет впоследствии. Почему положительное — должно быть ясно из вышеизложенного. А касательно того, что может произойти в дальнейшем...

К власти в Грузии пришло новое, действительно молодое поколение, что знаменует собой смену политической и управленческой элит. Преимущество новых людей в том, что в большинстве своем они не отягощены советскими стереотипами, догмами, советской несвободой в мышлении и действиях. Но в силу их молодости трудно ожидать, что у них имеется устоявшаяся система ценностей, четкое политическое кредо, ясное стратегическое видение будущего страны, руководить которой им предстоит. Молодости свойственны недооценка важности диалога, недостаток готовности к работе в коалициях, будь то в политических или гражданских. Впрочем, все это характерно и для всего постсоветского общества в целом с его невысокой политической культурой, отсутствием навыков и традиций плюрализма.

Проблем у новых властей — неисчислимо множество; работы — непочатый край, и нет никаких гарантий, что ожидания обществом быстрых и решительных перемен столь же быстро и решительно оправдаются. А поистине уникальный мандат доверия, выданный избирателями новому руководству страны, содержит риск очередного разочарования с одной стороны, и злоупотребления безраздельной властью — с другой. Последнее может подпитываться и жадной своеобразного реванша за шеварнадзевское десятилетие, когда власть упрямо отторгала от себя «несоветских» людей. В то же самое время, на начальном этапе борьбы с коррупцией, кардинальных кадровых изменений, и сокращения бюрократического аппарата число активно недовольных возрастает быстрее, нежели количество активно довольных. Маловероятно, чтобы деморализованные бывшие власть имущие сумели консолидироваться и создать реальную угрозу реванша, но если ощутимые позитивные перемены в стране заставят себя долго ждать, доверие к новым властям не останется величиной постоянной.

Бесо Гулашвили, Раткер-Союз, Media Center

В здании заброшенной шелкопрядельной фабрики в Тбилиси расположена мастерская по изготовлению колоколов. Мастера отмечают окончание удачного рабочего дня.

Рубен Манасарян, Раткер

В селе Садахло на границе Армении и Грузии находится огромный рынок. С армянской стороны границы азербайджанка несет товар для продажи.

С другой стороны, организованной и ответственной оппозиции, готовой сменить находящуюся у власти политическую силу, на сегодняшний день в стране просто нет. Из «старожилов» грузинской политики на арене остались лишь Республиканская партия и отдельные представители разных партий. Значительное большинство парламентариев — либо выходцы из СГГ (власть порождает власть?!), либо новобранцы высшего законодательного органа страны. Политическая конфигурация выглядит явно несбалансированной, с зияющей пустотой, например, на левом фланге. Да и политическое кредо Национального движения-Демократов в целом (если допустить, что они — единое целое) представляется достаточно аморфным. Так, что становление стабильного и предсказуемого политического спектра в стране все еще остается делом будущего.

В подобной ситуации роль и функция гражданского общества возрастают до критических масштабов: ноябрьские события в Грузии можно будет возвести в ранг революции лишь в том случае, если последуют системные, институциональные реформы, в осуществлении которых власть и общество поднимутся на принципиально новую ступень взаимоотношений; если общество осмыслит и разовьет свой успех в плане каждодневного контроля над властью и непосредственного участия в обновлении страны, а власть воспримет свою подотчетность (accountability) и необходимость вовлечения общества в процесс реформ как необходимое условие прогресса.

Так, или иначе, но грузинское государство приобрело шанс возобновления реформ, начала реальной борьбы с коррупцией, создания базы для стабильного экономического развития, и, тем самым, возможности приобщения к расширяющейся Европе.

Главное, чтобы Грузия не превратилась в своеобразную страну, граждане которой окажутся способны лишь на то, чтобы время от времени отстранять от власти неугодных правителей.

К. Дзугаев

Грузино-осетинский конфликт до и после «Революции роз»

Грузино-осетинский конфликт, начавшийся в 1989 г., очевидно, не привлекает столь серьезного внимания международных организаций, экспертного сообщества, как карабахский либо грузино-абхазский конфликты. Информации о нем меньше, поэтому для более ясного понимания сути конфликта целесообразен краткий исторический экскурс.

Грузино-осетинские отношения насчитывают много веков, и в плане политологического анализа являются достаточно сложным комплексом, в котором наличествуют и исторически четко прослеживаются конструктивная, компромиссная и конфликтная составляющие. Были и сражения плечом к плечу против иноземных захватчиков, были и взаимные набеги; заключались династические браки, развивалась торговля, происходило языковое и культурное взаимопроникновение.

Приход России на Кавказ, в том числе вовлечение Южного Кавказа в орбиту интересов Российской империи, знаменует собой качественно новый этап и грузино-осетинских отношений. И грузины, и осетины осознанно приняли решение о вхождении в состав империи: для Осетии политическое оформление этого поистине судьбоносного решения было осуществлено Зурабом Елихановым-Магкоевым, для Грузии – царем Ираклием II. В этой связи мы обращаем внимание на два характерных обстоятельства.

Первое касается восприятия на уровне массового сознания Георгиевского трактата 1783 года как документа о вхождении Грузии в Российскую империю; между тем трактатом был установлен режим протектората, присоединение же, строго говоря, фиксируется актом издания царского манифеста от 12 сентября 1801 года: «*Полное и безусловное слияние Картло-Кахетии с Российской империей*» (1).

Второе касается отношений Южной Осетии и Грузии – од-

ной из наиболее фальсифицированных и мифологизированных проблем грузино-осетинских отношений (начиная с того, что при З. Гамсахурдиа само понятие Южной Осетии было объявлено выдумкой большевиков). Здесь можно проиллюстрировать проблему указанием на время вступления на грузинский престол Георгия V, «который наконец вновь подчинил себе Закавказскую Осетию... С этой минуты южная Осетия стала безусловно грузинской провинцией...» (2). Там же далее констатируется, что «прибытие русских в Закавказье значительно изменило положение южных осетин».

Начало советского периода отмечено кровопролитным столкновением в Южной Осетии между национальными вооруженными силами обретшей независимость Грузии и пробольшевистски настроенным населением региона. Конфликт 1918 – 1920 годов был на порядок тяжелее и по людским, и по материальным потерям (3). В последующем коммунистические власти приняли ряд мер по ликвидации последствий конфликта, одной из важнейшей из которых явилось образование Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР: политическое решение об этом было реализовано Декретом №2 Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров ССР Грузии «Об образовании Автономной области Юго-Осетии», где в п. 2 предписывалось «в состав А. О. Ю. О. включить территорию, занимаемую юго-осетинским народом в следующих границах...» - и далее подробное описание обозначаемой территории (4).

Память о тех событиях сохраняется; но, в отличие от нее, эмоционально-психологически значимой следует признать скорее память о репрессиях 1937-1938 годов, интерпретируемых ныне в массовом сознании южных осетин как уничтожение югоосетинской интеллигенции грузинскими карательными органами. Ясно, что это одна из идеологем нынешнего конфликта; в действительности известно, что многие видные деятели осетинской интеллигенции из Северной Осетии спаслись от репрессий на Юге.

Советский период, таким образом, был весьма далек от лучезарной картины межнациональных отношений, рисуемой официальной коммунистической идеологией, так как политические причины событий преломлялись и воспринимались в

общественном сознании сквозь этнонациональную призму. В этом контексте мы поддерживаем и утверждаем мнение о том, что одна из основных причин грузино-осетинского конфликта заключается в теоретически ущербном решении национального вопроса в коммунизме (марксизме-ленинизме). Очевидно, что если бы национальный вопрос в бывшем СССР был в действительности решен, то конфликт рассматриваемого типа был бы невозможен в принципе. «Пролетарский интернационализм» оказался эрзацем подлинного решения, большинство жителей бывшего СССР причисляло себя в доминантной мотивации деятельности не к «коммунистической общности», а к своей национальности, к своему народу. Актуализацию конфликтной составляющей межнациональных отношений в СССР сдерживала прежде всего сила репрессивного аппарата «коммунистической империи», а также в известной мере экономическая политика центра.

Вместе с тем было бы недопустимым упрощением сводить историю национального вопроса в бывшем СССР лишь к живописанию рвущейся из-под контроля межнациональной агрессии: мы подчеркиваем бесспорный факт, что поздний социализм, когда, по глубокому определению Н. Бердяева, «Россия переварила коммунизм», создал фрагментарные основания, условия, формы для появления ростков органичного синтеза народов бывшего СССР в «сверхнарод» - в то, что брежневские идеологи называли «новой исторической общностью людей». Последнее поколение, выросшее в СССР, успело ощутить появление этих органичных межнациональных связей. И по сегодняшний день есть значительный слой людей в Содружестве независимых государств, неосознанно или сознательно продолжающих считать себя не только представителями своего народа, но и жителями «Большой страны», и воспринимающими новообразовавшиеся границы как досадные временные препятствия; то есть мы вправе указать на виртуальное существование на уровне ментально-эмоциональных обрывочных «структур» некоей парapolитической «тени» СССР.

В грузино-(юго)осетинских отношениях поздний социализм обеспечил весьма высокий уровень интеграции, начиная с должностных позиций выходцев из ЮОАО в ГССР и заканчивая чуть ли не самым высоким в СССР процентом смешанных

браков. Однако и тогда отношения были небеспроблемными; здесь в качестве иллюстрации «мягкой дискриминации» приведем наименование Приложения 2 к Постановлению Пленума Юго-Осетинского обкома КП Грузии: «Уточненные сроки реализации мероприятий, предусмотренных постановлением ЦК КП Грузии от 25 февраля 1985 года № 117 «О дополнительных мерах по обеспечению выполнения постановления ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР от 9 марта 1982 года № 190 «О записке Юго-Осетинского обкома КП Грузии и исполкома Совета народных депутатов Юго-Осетинской АО о недостатках по выполнению ранее принятых (! – Д. К.) решений по социально-экономическому развитию автономной области с учетом решений задач XI пятилетки» (5).

Тем не менее, высокая степень интеграции находит свое бесспорное подтверждение при рассмотрении генезиса грузино-(юго)осетинского конфликта: коротко говоря, народы категорически не хотели воевать друг с другом, и понадобилось два с половиной года массированных усилий, вплоть до провокационных убийств, чтобы эскалировать конфликт до вооруженной фазы. И наоборот, даже после всех ужасов войны сохранившейся части потенциала конструктивной составляющей грузино-(юго)осетинских отношений оказалось достаточно для серьезного содействия уникальной успешности миротворческой операции трехсторонних миротворческих сил, введенных 14 июля 1992 года в зону конфликта.

Другой причиной, которую мы можем обозначить и как непосредственный фактор инициирования и радикализации грузино-осетинского конфликта, является конфигурация геополитических интересов на Южном Кавказе (и на Кавказе в целом). Ясно, что конфликт в той качественной определенности, в какой мы его сейчас исследуем, мог состояться лишь в случае распада СССР. Здесь мы видим суперпозицию двух обстоятельств: системного кризиса, разрушающего СССР изнутри, и давления планетарного конкурента – США, использовавших историческую возможность ликвидации соперника и присвоения себе роли единственной сверхдержавы. Именно геополитическими причинами объясняется поистине зловещая повторяемость грузино-(юго)осетинского конфликта на протяжении XX века: то же самое было после распада Российской империи в 1917 году.

К причинам конфликта, может быть, следует отнести и кризис грузинской государственности в новых условиях вновь обретенной независимости. В историко-философском плане это кризис самоидентификации: наряду с восприятием западной либерально-демократической цивилизационной модели мы наблюдаем присутствие сильных традиционалистских и националистических течений. Здесь надо подчеркнуть несколько парадоксальный на первый взгляд момент (в том числе и для некоторых наших югоосетинских коллег): стабильность и безопасность Южной Осетии, ситуации вокруг нее, будет повышаться с устройением грузинского государства на современных цивилизационных стандартах — вопреки расхожему мнению о том, что нормализованное и усилившееся грузинское государство при первой же возможности развяжет новое кровопролитие в Южной Осетии.

О поводах для начала и нагнетания конфликта написано немало; мы ограничимся лишь замечанием о том, что для грузинской стороны в конфликте основным поводом для качественной радикализации конфликта послужило провозглашение по инициативе Т. Кулумбегова 20 сентября 1990 года Юго-Осетинской советской демократической республики (6). Это событие было воспринято грузинским руководством как акт политической провокации «третьей силы» против обретающей независимость Грузии. Политическая самоорганизация южных осетин, как относительно самостоятельной ветви осетинского народа, в длительной исторической ретроспективе типологически соответствует общемировой тенденции становления национально-государственных форм у народов, поднимающихся по ступеням этнополитического развития. Такова диалектика национального политического институирования и глобализационных процессов, чему есть ряд примеров даже в близкой нам Европе. Иными словами, к концу двадцатого столетия южные осетины, возможно, вполне прошли статусный уровень автономной области. Осознание этого обстоятельства имело место еще до «перестройки» М. Горбачева — в начале 80-х годов прошлого века отдельными представителями югоосетинской интеллигенции на уровне неофициального публичного обсуждения ставился вопрос: почему у абхазцев республика, а у южных осетин лишь автономная область?

Укажем также на тенденцию внутривнутриполитического развития СССР в последние годы его существования и после него России: ряд национально-государственных образований повысил свой статус, и южные осетины в этом отношении не выпадают из общего ряда.

Более того, специфика политических событий вокруг Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР в большой мере предопределила именно такой ход событий: нарастание политикоэтнического конфликта стало катализатором ответных внутривнутриполитических реакций в Южной Осетии, причем реакций защитных. Другое дело, что распад СССР и грузино-(юго)осетинский конфликт исказили исторически закономерный процесс политической самоорганизации южных осетин, аберрировали его, придали ему неестественную и трагическую скачкообразность. Для грузинской же стороны в конфликте, помимо потерь людских и материальных, это привело и к потере юрисдикции над бывшей автономией южных осетин. В результате ныне налицо стагнирующий конфликт, урегулирование которого идет с весьма крутыми зигзагами, а порой и попятными движениями. Неясна концептуальная основа урегулирования, пропагандистско-идеологические интересы все еще доминируют над научно-политологической проработкой процесса, отсюда и терминологическая несогласованность.

Остановимся на вопросах терминологии в некоторых ее аспектах более обстоятельно.

Сам конфликт наиболее часто именуется этнополитическим. Неточность, недостаточность этого термина ощущается экспертами; так, в Южно-Кавказском институте региональной безопасности по инициативе А. Русецкого состоялось специальное обсуждение этого вопроса, были предложены несколько различных терминов (определений). Мы, со своей стороны, отдаем предпочтение определению конфликта как политикоэтнического грузино-осетинского конфликта.

Далее, мы считаем неверным определение политической деятельности южных осетин новейшего периода (в осетинской политологии по сложившейся традиции отсчитывается с 23 ноября 1989 года — даты попытки проведения З. Гамсахурдиа сорокатысячного митинга устрашения в Цхинвале) как деятельности «агрессивно-сепаратистской» (или, тем более,

«террористической»). Республика была провозглашена без нарушения территориально-государственной целостности Грузии. Однако в отношении Южной Осетии состоялось решение Верховного Совета Грузии о ликвидации автономной области (7) и новом административном делении региона, был осуществлен ввод в Цхинвал 6 января 1991 года милицейских и неформальных вооруженных формирований, что повлекло двадцатидневные боевые действия в городе, проведена тактика «выжженной земли» в сельских районах, и, наконец, ракетно-артиллерийские обстрелы Цхинвала весной-летом 1992 года, когда ежедневно погибали десятки людей. Акт о государственной независимости Республики Южная Осетия был принят 29 мая 1992 года, когда тогдашняя грузинская власть наглядно показала, что в грузинском государстве южным осетинам жизни нет¹.

Таким образом, даже столь краткий экскурс выявляет некорректность использования термина «агрессивный сепаратизм» при описании событий вокруг Южной Осетии. Как же поименовать исследуемое явление? Можно ли вообще ставить вопрос о сепессионистских устремлениях южных осетин? Очевидно, да; но при этом необходимо уточнение, касающееся сущности процесса – речь, на наш взгляд, должна идти об исследовании югоосетинского ирредентизм, явления, неизбежного при разделенности единого народа (термин появился в Италии в конце XIX – начале XX веков). Тем самым сразу становится ясно, что дефинируется совершенно иное содержание вопроса, иная политическая задача и для грузинской, и для югоосетинской сторон, долженствующая быть решенной соответствующими политическими и правовыми технологиями, процедурами.

¹ Проиллюстрируем изложенное двумя весьма показательными фактами. 13 мая 1992 года Цхинвал посетили Э. Шеварднадзе и А. Дзасохов. Были приняты, что называется, исчерпывающие меры безопасности, но все же незадолго до их отлета на вертолете с Присских высот над городом грузинскими артиллеристами был открыт огонь. 26 мая на Зарской дороге, проложенной в объезд грузинского анклава Тамарашени – Кехви, попала в засаду колонна беженцев из Цхинвала: 36 человек, включая женщин и детей, были убиты.

* * *

Предложим теперь некоторые рамочные условия, пограничные вехи процесса урегулирования.

Первое условие состоит в невозможности возвращения к прежней политической конструкции. Обосновать это обстоятельство можно, по крайней мере, тремя аргументами:

- 1) прежняя политическая конструкция была возможна лишь в бывшем СССР; «механическое» восстановление СССР, как это грезится некоторым недалеким деятелям, уже невозможно; даже если в обозримом будущем некая «неолиберальная империя» будет в каком-то виде сформирована, то это будет качественно иная «Большая Страна»;
- 2) прежняя политическая конструкция не только невозможна, но и не нужна, не целесообразна, так как не уберегла грузинский и осетинский народы от братоубийственного кровопролития - следовательно, ни одна из сторон в конфликте в ней не заинтересована; это обстоятельство очевидным образом подтверждает вышеизложенную предпосылку о неудовлетворительном решении национального вопроса в СССР — «решен» он был не на уровне «онтологической сущности», а на уровне «политической кажимости», «административно-территориальной видимости»;
- 3) «реинкарнация» прежней политической конструкции, кроме всего прочего, означает упразднение республики южных осетин, что непредставимо без катастрофического изменения конфигурации геополитических «силовых линий» на (Южном) Кавказе.

Второе рамочное условие состоит в утверждении, что приближение к — и достижение итоговой политической конструкции грузино-осетинского урегулирования исключает применение военной силы; точнее говоря, делает бессмысленным какое бы то ни было применение военной силы для целей реального урегулирования. Сделаем гипотетическое допущение о том, что военная победа достигнута, то есть южные осетины частью уничтожены, а в остальном изгнаны за Главный Кавказский хребет: означает ли это завершение грузино-осетинского конфликта? Риторический вопрос, ибо это означает не что иное, как его злокачественное разрастание теперь уже во фронтальный конфликт с

поистине губительными последствиями на обозримую историческую перспективу.

Третье рамочное условие предложено нами вниманию экспертов и других заинтересованных лиц в последние год-полтора, и состоит оно в том, что урегулирование грузино-(юго)осетинского конфликта в каждом его значимом шаге, событии, этапе осуществимо при аналогичных шагах, событиях, этапах югоосетино-североосетинского сближения (то, что принято называть «осетино-осетинскими отношениями»). Иными словами, приемлемой для сторон в конфликте политической конструкции урегулирования возможно достичь при условии ее «баланса» аналогично приемлемым оформлением особых отношений сторон в осетинском интеграционном процессе.

Мы не случайно подчеркнули, что рассматриваемое третье рамочное условие до сих пор практически не осмыслено надлежащим образом. Видимо, и времени для подобного осмысления прошло немного — всего лишь десять лет с лишним. Тем не менее, можно привести не менее двух значимых примеров, подтверждающих рассматриваемое условие:

- 1) реальное начало процесса урегулирования в конце 1993 года стало возможным при (после) принятии в марте 1993 года Концепции социально-экономической и культурной интеграции Республики Северная Осетия — Алания и Республики Южная Осетия; расстояние во времени между этими событиями 7 — 8 месяцев, и ясно, что политически это взаимосвязанные и по своей сути одновременные события, одно полагает другое;
- 2) подписание базового документа урегулирования, имеющего, по общему мнению, прорывной характер — Меморандума о мерах по безопасности и доверию между сторонами в конфликте — состоялось политически одновременно с подписанием важнейшего межправительственного Договора о сотрудничестве между РЮО и РСО-А; календарный разнос дат в данном случае еще уже — 16 мая и 9 ноября 1996 года.

Мы настаиваем на неслучайности этих кажущихся «совпадений» (можно привести и другие, менее значимые примеры): только такими сбалансированными по оси «север — юг» политическими мероприятиями можно идти и достичь окончания уре-

гулирования. При этом, повторяем, ясно, что финал урегулирования должен быть политически равномошным «итоговому» оформлению осетино-осетинских отношений.

Три перечисленных рамочных условия ведения процесса урегулирования грузино-(юго)осетинского конфликта являются наиболее «близкими» к непосредственной практике политического действия; они являются необходимыми, но, очевидно, не являются достаточными — есть и другие условия, которые мы в данной публикации не затрагиваем.

* * *

Что же касается итоговой конструкции, то она определится, очевидно, в контексте новой геополитической структуры Южного Кавказа, формирующейся в сложном и противоречивом взаимодействии России, США и Европы, и загадывать сейчас ее конкретные формы было бы научно некорректно. Для более ясного ориентирования предлагаем на рассмотрение таблицу (см. Приложение), составленную нами в ходе серии грузино-осетинских — в них участвовали и североосетинские представители — встреч-семинаров в неофициальном формате, проведенных под эгидой «Конфликт менеджмент групп» профессора Р. Фишера (Гарвард, США); это были весьма эффективные семинары, серьезно содействовавшие официальному процессу урегулирования.

Надо признать, что за прошедшие годы грузинская сторона далеко и, будем надеяться, бесповоротно ушла от девятой позиции таблицы; так, на Венской встрече экспертных групп глава грузинской делегации И. Мачавариани сделал зондажное заявление о готовности грузинской стороны рассмотреть вопрос признания Республики Южная Осетия со всей ее атрибутикой при условии признания югоосетинской стороной территориальной целостности Грузии в международно признанных границах (югоосетинская сторона приняла заявление к сведению, но от обсуждения уклонилась, так как не имела соответствующих полномочий). Аномалия радикализма в грузинской национальной идеологии стала возможной и привела к соответствующей политической практике лишь в условиях крайней слабости нарождавшихся государственных структур независимой Грузии: «пролетарский интернационализм» был неизбежно и закономерно заменен

идеологией национализма, принесшей бедствия и самому грузинскому народу, и народам, исторически совместно и рядом с ним проживающим.

По шестой позиции на изучение югоосетинской стороне было представлено два проекта, разработанных ОБСЕ и группой Р. Фишера; они в целом аналогичного содержания и предусматривают максимальные полномочия для Республики Южная Осетия в составе федеративного грузинского государства. Отметим, что о целесообразности продвижения к федеративному принципу государственного устройства Грузии неоднократно высказывался и лидер Северной Осетии А. Дзасохов.

В самой Южной Осетии также имело место обсуждение вариантов.

Так, по пятой позиции таблицы идею кондоминиума России и Грузии над Южной Осетией выдвигал на уровень публичного обсуждения Председатель Правительства РЮО В. Габараев (1996 год), считая ее единственным выходом из логически тупиковой ситуации конфликта. Действительно, в рамках формальной (аристотелевой) логики конфликт неразрешим, так как принцип территориальной целостности Грузии в границах бывшей Грузинской ССР несовместим с принципом независимости Республики Южная Осетия.

Четвертую позицию опубликовал в качестве варианта бывший заместитель Председателя Верховного Совета РЮО А. Чочиев. Он не детализировал свое предложение (8).

О конфедеративном либо федеративном вариантах разрешения грузино-(юго)осетинского конфликта в достаточно развернутом виде написала в диссертационном исследовании М. Дзайнукова – работа защищена в мае 2002 года в Северо-Осетинском государственном университете и является пионерным исследованием, проведенным под руководством заведующего кафедрой политологии СОГУ профессора В. Дзидзоева; отметим, что изложенные в работе представления прошли обычную при работе над кандидатской диссертацией апробацию (9).

Вторая позиция является конституционно оформленной и референдумно закрепленной позицией Республики Южная Осетия. В отношении Грузии эта позиция президентом Э. Кокойты выражена в виде политического слогана «С Грузией – навсегда, в Грузию – никогда!».

Интересно, что хотя государственно-правовое, институциональное оформление в Южной Осетии в силу вышеуказанных обстоятельств получила вторая позиция, но и референдум 19 января 1992 года, и опросы общественного мнения показывают, что ирредентистский вектор национального движения (воссоединение с РСО-А (в составе России)) поддерживают в пять-шесть раз больше респондентов, чем мнение об укреплении независимости РЮО (10).

(Заметим, что предпоследний Председатель Правительства РЮО Г. Хугаев (2002 – 2003 гг.) несколько неожиданно высказывался о том, что Республика может присоединиться к России и самостоятельно, «минуя» РСО-А; это высказывание не получило широкого обсуждения в обществе, но, безусловно, отражает некую политическую реальность...).

* * *

2003-й год был нелегким и для Грузии, и для Южной Осетии. В РЮО год прошел под знаком настойчивых попыток укрепления президентской власти. В начале года Парламент поддержал кандидатуры Президента на должность Генерального прокурора - Таймураз Хугаев вместо освободившего должность Ахсара Кочиева – и и. о. Председателя Верховного Суда Светланы Ванеевой; в конце года вместо нее был назначен Алан Парастаев, ранее дважды – и при Л. Чибирове, и при Э. Кокойты – работавший министром МВД. В свое время именно А. Парастаев после напряженной политической борьбы был проведен в министры и сыграл решающую роль в обуздании послевоенного криминального беспредела в РЮО.

Под нажимом Президента покинул должность и. о. Председателя Национального Банка РЮО депутат Парламента Инал Тедеев, назначенный туда Президиумом Парламента в нарушение конституционной процедуры; Национальный банк возглавил предложенный Президентом Гиви Санакоев.

Летом произошли основные события в борьбе за утверждение режима президентской власти в конституционном объеме полномочий. В ночь на 1 июля пропрезидентские формирования (охрана Президента и ОМОН МВД) разоружили формирования, на практике не подчинявшиеся президентской власти: отдел со-

проведения оперативных мероприятий КГБ и Главное разведывательное управление Министерства обороны и чрезвычайных ситуаций. Отстранены от занимаемых должностей секретаря Совета Безопасности Альберт Тедеев, министра обороны и чрезвычайных ситуаций Валерий Тедеев, и. о. министра юстиции Алан Джигкаев, председателя КГБ Роберт Табуев. Под прямой контроль Президента было взято Главное таможенное управление, поступления от которого являются главным источником формирования бюджета; его начальником назначен Константин Кабисов.

Во внеочередном выпуске новостей Государственного телевидения Э. Кокойты заявил об имевшей место «безнаказанности бесчинствующих руководителей некоторых структур», призвал к консолидации граждан вокруг законной власти. Жесткой критике подверглось Правительство, которое, по мнению Президента, «практически самоустранилось от выполнения своих функций».

На освободившиеся должности были назначены люди Президента: КГБ возглавил кадровый местный работник Олег Алборов, МВД – приглашенный из Владикавказа Роберт Гулиев, МОиЧС – Бала Бестауты (был первым по счету министром МВД при Э. Кокойты), впоследствии был заменен на приглашенного из России Зелима Мулдарова (во второй половине апреля 2004 года скончался при не вполне выясненных обстоятельствах); министерство юстиции – Людвиг Гаглоев.

Собственная властная вертикаль не могла быть достроена без глубокой реорганизации Правительства; здесь особое значение приобретала фигура Председателя Правительства Резо (Герасима) Хугаева. Популярный политик, Р. Хугаев внес наибольший электоральный вклад в победу Э. Кокойты на выборах; будучи сильным администратором, располагающим опытом руководства в чрезвычайных условиях, он сумел удержать исполнительную власть от провала. Тем не менее, деятельность Правительства была признана Парламентом неудовлетворительной.

13 августа Правительство было распущено. «Сдачу» Р. Хугаева аналитики объясняют двумя причинами: чрезмерной, по мнению Президента и его окружения, близостью к братьям Тедеевым, чье влияние в Республике было устранено 1 июля, и проявлениями политической самостоятельности Р. Хугаева. Отмечается также осязаемое падение поддержки Р. Хугаева в обществе

вследствие некоторых неудачных его выступлений в республиканских СМИ и целенаправленной борьбы против него группы депутатов Парламента. Тем не менее, он продолжает быть серьезной политической фигурой, и сохраняет способность оказывать серьезное влияние на ситуацию в Южной Осетии.

Очевидно, роспуск Правительства был плохо подготовлен, так как лишь через месяц был назначен новый Председатель Правительства Игорь Санакоев, приглашенный из Владикавказа. И только 17 октября был подписан указ о реорганизации исполнительной власти.

Рейтинг Президента на протяжении года значительно колебался. Во второй половине года создана пропрезидентская партия «Единство» во главе с Зурабом Кокоевым (работал мэром Цхинвала, после создания партии переведен на должность зампредела Правительства), с нескрываемым намерением получить пропрезидентское большинство на выборах в Парламент РЮО в мае 2004 года. Решение этой задачи означает неизбежную жесткую конкуренцию с компартией РЮО, однако Э. Кокойты и ее лидер Станислав Кочиев, являющийся Председателем Парламента, тщательно избегают открытого столкновения. Произведена смена руководства в югоосетинском отделении всеосетинской организации Стыр Ныхас: вместо дискредитировавшего себя Казбека Челехаты его возглавил Роберт Гаглоев (ранее министр образования, ныне директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института) — предполагается, что это привлечет к Президенту некоторую часть электората.

К моменту написания статьи предвыборная кампания выходит на свой пик. Начались телевизионные выступления кандидатов в депутаты, ряд из которых выступил с резкой критикой существующей власти, указывая на политическую демагогию об объединении с Россией и фантастические экономические показатели...

Серьезно осложнились за 2003 год грузино-осетинские отношения, основная причина чего усматривается в продолжающемся глобальном соперничестве на Южном Кавказе. Кризис власти на выборах в Грузии, «революция роз» и приход нового руководства вызвали рост напряженности в РЮО. Михаил Саакашвили в общественном сознании воспринимается как весьма опасный политик, в известном смысле продолжатель дела З. Гамсахурдиа.

Дана Чиквадзе/Союз Медиа Центр

Село в Сванетии — высокогорном регионе Грузии. Сваны занимаются в основном охотой и скотоводством.

Давид Мдзинаришвили/Союз Медиа Центр

Грузия славится винодельческими традициями. Здесь растет множество сортов винограда, в том числе знаменитые «Ркацители», «Изабелла», «Цоликаури», «Киндзмараули».

Показательным в этом смысле является почти стопроцентное участие жителей Южной Осетии, имеющих российское гражданство, в выборах в Государственную думу РФ 7 декабря: в огромных очередях на единственный избирательный участок на территории российского миротворческого батальона люди без обиняков и единодушно соглашались с тем, что голосовать всем надо, чтобы Россия помнила о здешних своих гражданах и не оставила на произвол судьбы. Показательна также реакция населения на плановую ротацию российского батальона в январе 2004 года: вид выезжающих из Цхинвала грузовиков с военнослужащими вызвал столь глубокую тревогу, что министр обороны и чрезвычайных ситуаций З. Мулдагов вынужден был выступить со специальным телеобращением и призвать «не поддаваться паническим слухам и настроениям».

3 января Цхинвал неожиданно посетил М. Саакашвили, въехав в город в сопровождении кортежа из нескольких машин с вооруженной охраной; он сделал остановку перед центральным универсамом на площади Свободы (Богир) и провел краткую встречу с ошеломленными горожанами и торговцами. Надо по достоинству оценить этот блестящий предвыборный ход М. Саакашвили (выборы президента Грузии были на следующий день), но в Южной Осетии он вызвал почти шоковое состояние. В телевизионном интервью грузинским СМИ Э. Кокойты оценил эту акцию как провокационную и потребовал от М. Саакашвили извинений. В югоосетинских СМИ газета «Молодежь Осетии» осмелилась одним абзацем сообщить о происшествии и поставить вопрос, «как такое могло произойти, и кто ответственен с нашей стороны за проникновение М. Саакашвили в Цхинвал?» (11).

В подобной общественно-политической обстановке любое затруднение в пересечении границы на посту «Нижний Зарамаг» провоцирует южных осетин на решительные акции и усиливающие обвинения властей в бездействии. В декабре Э. Кокойты, информированный о опасно накаливающейся ситуации на границе, вынужден был лично туда выехать для предотвращения штурма погранзаставы несколькими сотнями разгневанных южан. На некоторое время пост был фактически взят под контроль югоосетинских силовых структур, до урегулирования ситуации в ходе встречи с подъехавшим срочно из Владикавказа председателем правительства М. Шаталовым. «Я заставлю вас

уважать Республику Южная Осетия и законы России!» - заявил Э. Кокойты российским пограничникам.

В контексте нарастания напряженности в грузино-осетинских отношениях глубокого анализа заслуживают попытки развалить сложившуюся за истекшие годы группу переговорщиков с югоосетинской стороны. Министр по особым делам, нынешний сопредседатель Смешанной контрольной комиссии Борис Чочиев был обвинен в предательских поползновениях; возглавлявший до него югоосетинскую делегацию Леонид Тиболов (бывший зампредела Правительства при Л. Чибирове) также был обвинен в политической сдаче позиций; обвинения в прогрузинских настроениях и даже тайных встречах (!) с грузинским руководством обнародовались в адрес автора настоящей статьи, работавшего Председателем Парламента РЮО и возглавлявшего югоосетинскую делегацию на переговорах ряд лет до Л. Тиболова; обвинения в непатриотичности, пассивности и т. д. высказывались в адрес министра иностранных дел Мурата Джиеова (занимавшего эту должность и при Л. Чибирове); обвинен в предосудительных связях с грузинской стороной член делегации, член Президиума Парламента Георгий Джиеов и т. д. Ясно, что разгром сложившегося внешнеполитического «ядра» в РЮО, имеющего огромный и бесценный опыт, высокую и проверенную патриотичность и высокопрофессиональные качества, повлек бы почти катастрофическое падение уровня компетентности югоосетинской стороны в преддверии важнейшего, возможно судьбоносного этапа урегулирования. Пока неясно, объясняются ли эти нападки лишь банальным стремлением критиканов получить «теплые места для заграничных командировок», либо речь идет о гораздо более серьезном явлении – попытке реализации политического заказа на ослабление позиций югоосетинской стороны в переговорном процессе. По состоянию на сегодняшний день попытки устранить ключевых переговорщиков из процесса урегулирования успеха не имели, но их инициаторы обещают новые «разоблачения предателей».

Небезынтересно и то обстоятельство, что в ходе нынешней предвыборной кампании кандидатами в депутаты Парламента РЮО указывается на укомплектование основного круга высших должностей пришлыми в республику людьми, живущими здесь без семей и недвижимой собственности, и ставится вопрос, как понять такую кадровую политику?

Не осталась в стороне от политических событий и Церковь. Высказывание Католикоса всея Грузии Ильи II на инаугурации М. Саакашвили «Под этим флагом мы войдем в Сухуми и Цхинвали» вызвало реакцию в Южной Осетии, и укоризненную отповедь наместника Аланской Цхинвальской Епархии священноархимандрита Георгия (Пухатэ): «... Болезнь нацизма и национализма грузинской церкви, в большей ее части, как была, так и осталась по сегодняшний день. И данный вопрос надо рассматривать как негласное благословение главы грузинской православной церкви католикоса Ильи II на агрессию, на военные действия» (12).

В переговорном процессе никаких значимых изменений не произошло; единственное, что заслуживает упоминания — это принятое после многомесячных проволочек решение о подписании третьей программы Евросоюза по реабилитации зоны грузино-осетинского конфликта, что вызвало неоднозначные оценки в обществе.

Процесс урегулирования сам по себе нуждается в качественном научном (политологическом) обслуживании; это отмечалось и экспертами, и государственными чиновниками, участвующими в процессе. Особую актуальность это приобретает в свете событий текущего, 2004 года.

P.S. 6 мая центральной грузинской властью была взята под полный контроль Абхазия. Эти события вызвали скрытое, сильное напряжение в югоосетинском обществе.

Список литературы

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. // Документы Российского Министерства Иностранных Дел. Серия 1. Т. 1. М., 1960., с. 93-94.
2. Чудинов В. Окончательное покорение осетин. // Кавказский сборник. Т. XI11. Тифлис, 1889, с. 10.
3. Плиев В. В. Борьба за установление советской власти в Южной Осетии. Цхинвали. 1958.
4. Газета «Правда Грузии» №340, 22 апреля 1922 г.
5. Газета «Советская Осетия», 30 сентября 1989 г.
6. Южная Осетия. 1988 — 1992. Хроника событий грузинской агрессии. Цхинвал, 1996.

7. Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989 – 2001). Сборник политико-правовых актов. Тбилиси, 2002.
8. Чочиев А. Р. Полемисту и богемисту «А-3» от бывшего... // Газета «Айдан – Зеркало» №3, март 1998 г.
9. Дзайнукова М. И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918 – 2002 гг.) Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Владикавказ, 2002.
10. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1999, май – июнь, с. 81 – 82.
11. Газета «Молодежь Осетии» №1, январь 2004 г., с. 2.
12. Джиоты А. Апогей «человеколюбия». // Газета «Южная Осетия», № 11-12 от 7.02.2004 г. С. 2.

Бесо Гулашвили/Patker-Soyuz Media Center

Грузинские солдаты охраняют село Земо Халацани, расположенное недалеко от Панкисского ущелья.

Приложение

Таблица составлена в ходе работы грузино-осетинских встреч-семинаров под эгидой Гарвардской «Конфликт менеджмент груп» под руководством проф. Р. Фишера.

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ЮГООСЕТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

№	Позиции по проблеме	Комментарии
1	Присоединение к России через воссоединение с Республикой Северная Осетия - Алания	Политическая цель по итогам референдума 19 января 1992 года
2	Независимая Республика Южная Осетия	Провозглашена 20 сентября 1990 года, действующая Конституция принята на референдуме 8 апреля 2001 года; признана 6 марта 1993 года РСО-А.
3	Территория под управлением ООН	
4	Конфедерация Грузии и Южной Осетии	В РЮО выдвигалась бывшим заместителем Председателя Верховного Совета А. Чочиевым
5	Кондоминиум России и Грузии над Республикой Южная Осетия	В РЮО выдвигалась бывшим Председателем Правительства В. Габараевым
6	Республика Южная Осетия в составе Грузии как федеративного государства	Разработка ОБСЕ, аналогичный вариант у группы Р. Фишера
7	Юго-Осетинская автономная область в составе Грузии.	Так называемый «нулевой вариант», ранее обсуждавшийся грузинской стороной – возвращение к прежнему статус-кво
8	Культурная автономия	В Грузии выдвигалась лидером Народного фронта Н. Натадзе
9	Ликвидация южных осетин (депортация, истребление)	Политика радикал-национализма 1989 – 1992 гг.

Д. Петросян

Нагорный Карабах: еще один год без войны

В мае 2004 года исполнилось десять лет со времени прекращения огня в двух самых кровавых конфликтах на Южном Кавказе — абхазском и карабахском.

За минувшие годы произошла своеобразная трансформация межэтнических конфликтов в межгосударственные. Так, Нагорный Карабах ведет государственное строительство, которое можно оценивать по-разному, но не замечать его более нельзя. Фактически, на сегодняшний день карабахский конфликт — это конфликт между признанной международным сообществом Азербайджанской Республикой и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой, в котором на стороне последней фигурирует и Республика Армения.

Соответственно, для понимания положения дел в карабахском конфликте необходимо представлять себе не только внешнеполитический расклад сил и состояние процесса урегулирования, но и ситуацию в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике.

Власть и государство

Из всех непризнанных государств, сформировавшихся на территории бывшего Советского Союза — Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия и Нагорный Карабах — только последний до сих пор не имеет конституции. На сегодняшний день в Нагорно-Карабахской Республике (НКР) имеется только Свод основных законов, а конституцию планируется принять в ближайшие годы. Свод законов НКР основан на системе гражданского права. Главой государства является президент с достаточно широкими полномочиями, правительство возглавляет премьер-министр, назначаемый президентом. Устойчивость кабинета обусловлена поддержкой парламентского большинства.

Расклад политических сил в парламенте НКР по положению на 15 апреля 2004 года:

- Союз «Демократический Арцах» – 19 мандатов
- «Дашнакцутюн» – 9
- «Арменакан» – 1
- Социал-демократическая партия – 1
- Неприсоединившиеся – 3

Кабинет поддерживается устойчивым большинством (21 мандат), а именно депутатами от Союза «Демократический Арцах», «Арменакан» и СДП. Фракция «Дашнакцутюн» находится в оппозиции как к кабинету, так и к президенту, но эту оппозицию можно охарактеризовать как конструктивную в ряде ключевых вопросов.

В последние годы международная организация «Freedom House» начала включать в свои рейтинги отдельной графой непризнанные территории, и НКР была в них охарактеризована как «частично свободная». Рейтинг НКР, определяемый по методике «Freedom House», оказался выше, чем у Азербайджана и Армении.

Политическая система НКР достаточно стабильна. Последний раз она подвергалась серьезным потрясениям в 2000 году после покушения на президента Аркадия Гукасяна. Несмотря на формирующуюся в НКР систему гражданского права, влияние военного и других силовых ведомств на политическую ситуацию остается значительным, хотя и существенно снизилось по сравнению с предыдущими годами. Влияние армии на жизнь этой непризнанной республики объяснимо: нагорно-карабахский конфликт является единственным в мире конфликтом такого крупного масштаба, на территории которого нет ни миротворческих разделительных сил, ни стационарных наблюдательных постов международных военных наблюдателей.

Военная сфера

Армия

Армия НКР, по оценкам военных экспертов, имеет от 15 до 20 тысяч личного состава, а мобилизационный ресурс оценивается некоторыми экспертами в 40-60 тысяч человек (по опыту минувшей войны, в него включены женщины и подростки от 14 лет и старше). В армии НКР, по сведениям СМИ, 316 танков, 324 боевых бронированных машин, 332 артиллерийские установки ка-

либром 122-мм и выше, 44 РСЗО и системы ПВО С-125, С-75.

Уровень боевой подготовки армии НКР оценивается большинством независимых экспертов (в том числе российских и западных) достаточно высоко. Срок действительной службы в армии — три года. Состояние армии НКР по итогам внутренних инспекций 2003 года оценивается как удовлетворительное.

Проблемы разминирования

Мины и неразорвавшиеся боезаряды продолжают оставаться реальной угрозой для Нагорного Карабаха, несмотря на многолетние усилия местных и международных организаций по их обезвреживанию.

Процесс разминирования начался почти сразу же после установления перемирия на фронте (в мае 1994 года). Со временем местным государственным и неправительственным структурам стали помогать международные организации. Большое содействие Нагорному Карабаху оказывает неправительственная британская организация HALO Trust (ее представителем в НКР является Эд Роуи), развернувшая свою активную деятельность здесь с 2000 года.

Совместными усилиями HALO Trust и Управления по чрезвычайным ситуациям НКР (УЧС) с начала 2003 года на территории Нагорного Карабаха были обезврежены 3377 противопехотных и противотанковых мин, 26 396 снарядов различного типа, 75 000 единиц боеприпасов малого калибра.

В связи с тем, что во время конфликта большинство заминированных участков не регистрировалось и не наносилось на карты, а также в связи с отсутствием какой-либо информации о наличии минных полей вдоль нынешней границы, точное количество мин и общая площадь заминированных участков остается неизвестным. По предварительной оценке HALO Trust, существует необходимость неотложного обезвреживания около 10 000 мин и других неразорвавшихся боезарядов, на что понадобится 5-7 лет. Для ускорения процесса разминирования HALO нуждается в дополнительном финансировании.

За период 2003 года на территории Карабаха организацией HALO Trust было зарегистрировано 18 случаев подрыва населения на минах и боеприпасах, в результате чего пострадал 21 человек: 9 человек погибли, 12 (в т.ч. двое детей) получили ране-

ния различных степеней тяжести. В пересчете на душу населения эти показатели намного превышают показатели таких стран, как Афганистан и Камбоджа.

Положение на границе

В целом в течение 2003 года режим прекращения огня сохранился, о чем свидетельствуют итоги регулярных мониторингов, проводимых военной миссией ОБСЕ. После 1999 года диверсионных и крупных разведывательных операций зафиксировано не было. Однако на границе постоянно происходят перестрелки. По утверждению министра обороны НКР Сейрана Оганяна, по сравнению с 2002 годом число перестрелок увеличилось (наиболее крупные перестрелки произошли 28 июня и 7 июля 2003 г). Кроме того, противоборствующие стороны регулярно проводят в прифронтовой полосе тактические и командно-штабные учения, в том числе с боевой стрельбой и с использованием тяжелого оружия.

Экономика и общество

В течение 10 лет, прошедших со времени прекращения войны, экономика Нагорно-Карабахской Республики успела значительно окрепнуть. Экономические реформы, реализуемые правительством республики, в том числе облегчение налогового бремени, либерализация рыночных отношений, а также активное привлечение инвестиций послужили стимулом для бурного развития частного сектора, что и способствовало коренным качественным и структурным изменениям в экономике. Так, если в 2000 году продукция, произведенная частным сектором, составляла примерно 25% промышленного производства республики, то сегодня более чем 75% промышленной продукции обеспечивает частный сектор, что свидетельствует о значительных структурных изменениях в экономической сфере.

Экономическое развитие

Об устойчивом экономическом прогрессе свидетельствует динамика развития промышленного и сельскохозяйственного производства последних лет. После спада промышленного производства в 1999 году примерно на 11%, в следующем, 2000 году,

был достигнут рост промышленного производства на 16,8%, в 2001 – 21,6%, в 2002 – 36,2% и в 2003 – 43,8%, составив 11,1 млрд. драмов. Валовой сельскохозяйственный продукт в 2001 году составил 13,5 млрд. драмов, обеспечив рост по сравнению с предыдущим годом на 2,3%, в 2002 – 15,2 млрд. драмов (рост – 15%), в 2003 – 21,2 млрд. драмов (рост – 25,7%).

Примечательно также сравнение показателей экспорта. Если в 2000 году объем экспорта составил 2 млн. долларов, то в 2001 году он возрос в 2,6 раза, составив около 5,4 млн. долларов. В 2002 году объемы экспорта соответственно возросли в 2,5 раза, составив 14 млн. долларов.

По сравнению с 2002 годом в 2003 году реальный рост ВВП составил 19,8%. Причем 6,7% роста обеспечено сельским хозяйством (всего 21160,1 млн. драмов), а 5,7% – промышленностью (всего 11712,6 млн. драмов). Производство потребительских товаров увеличилось на 40,3%, объем капитального строительства возрос на 29,1% и составил 8,7 млрд. драмов. В 2003 году объем внешнеторгового оборота НКР достиг 48,7 млрд. драмов. Таким образом, рост составил 34,5%, в том числе импорт возрос на 13% (31,7 млрд. драмов), экспорт в 2,1 раза (17 млрд. драмов). Номинальный ВВП составил 33,6 млрд. драмов – в условиях 6% дефлятора, а ВВП на душу населения – 399,2 долларов США (231 тыс. драмов), что по сравнению с прошлым годом фиксирует рост на 25,6%. В 2003 году в республике выработано 130,6 млн. квт/ч электроэнергии, что больше по сравнению с предыдущим годом на 20,3%.

В 2003 году среднемесячная зарплата одного работника составила 33662 драмов – порядка 60 долларов США (рост – 13,4%), денежные доходы населения составили 34,4 млрд. драмов (рост – 17,1%), денежные расходы населения – 33,3 млрд. драмов (рост – 118,5%). В 2003 году отмечен беспрецедентный рост (на 41,8%) собственных доходов госбюджета, в том числе: по линии налога на прибыль – на 25,6% и подоходного налога – на 34,6%, что фактически подтвердило экономическую обоснованность и практический характер реализуемых правительством налоговых реформ.

Предполагается, что реальный прирост ВВП Нагорного Карабаха в 2004 году составит 10,3%. Руководство НКР планирует 27%-ый рост налоговых доходов.

Промышленность и сельское хозяйство.

Война оставила свой след во всех отраслях экономики НКР, в том числе виноградарстве. Если раньше в республике имелось 18 тысяч гектаров виноградников, то сегодня — всего 1322 га. Часть орошаемых земель до сих пор полноценно не обрабатывается. Между тем еще в недавнем прошлом виноградарство и виноделие приносило около половины всех доходов Нагорного Карабаха.

К концу 2004 года планируется восстановить около 3300 гектаров виноградников, к 2005 году довести общую площадь виноградников Нагорного Карабаха до 4000 га. Программа восстановления виноградников рассчитана на 5-6 лет; она будет осуществляться на благотворительные средства и обойдется примерно в 20 миллионов драмов.

Винная продукция местных фирм «Арцахалко» и «Арцахголд» пользуется спросом в США, России, ряде других стран ближнего и дальнего зарубежья. В 2003 году Ереванский коньячный завод «Перно Рикар» закупил в Карабахе 800 тонн винограда (на сумму более 3,4 млн. долларов), а в 2004 году — 5 тысяч тонн.

Карабахская фирма «Варанда» производит доски из дуба для изготовления бочек под вино и коньяк. В ходе лабораторного изучения во Франции было признано высокое качество материала, и им вскоре заинтересовалась компания «Сеген Моро» из города Коньяк. Уже второй год «Варанда» поставляет указанной фирме дубовые доски.

Рубен Манасарян/Patker

Праздник Вардавар в селе Варденик на озере Севан. В этот день принято обливаться водой.

Инвестиции

За последние три года в экономику Нагорно-Карабахской Республики было инвестировано 35 миллионов долларов. По словам главы кабинета Анушавана Даниеляна, 25 млн. из этой суммы было инвестировано иностранными предпринимателями, 5 млн. долларов вложили предприниматели Армении и столько же – местные бизнесмены. В 2004 году Нагорный Карабах ожидает иностранных инвестиций на сумму в \$15 млн.

Межгосударственный кредит Армении Нагорному Карабаху составит в 2004 году 11 млрд. драмов (\$19,4 млн.)

Гуманитарная помощь из бюджета США в 2004 финансовом году осталась на прежнем уровне – 5 млн. долларов.

Инвесторами в основном являются представители армянской диаспоры – граждане США, Англии, Франции, Швейцарии, Австралии, Бельгии, Испании, России, Ирана, Ливана, Монако и т.д. За последние годы в Нагорном Карабахе открыто более 30 предприятий, самые крупные из которых – «Карабах Телеком», «Сиркап Армения», «Бейз Метлс», «Франк Мюллер», «Мика-Лимитед», «Шишманян», «Наири», «Сасун», «Айсберг» и др.

В селении Дрмбон введен в эксплуатацию горно-обогатительный комбинат, собственником которого является ЗАО «Манекс и Валекс» (генеральный директор Валерий Межлумян), руководитель филиала этой организации (ООО «Бейз металс») в НКР – Артур Мкртумян. В финансировании строительства принимал участие «Банк крестьянской взаимопомощи» Армении (генеральный директор Степан Гишян). Число работающих – 650 человек. Разрабатывается меднозолоторудное месторождение, в него инвестировано \$6 млн. Ежедневно добывается 280–300 тонн руды. Срок окончательного ввода комбината в строй – осень 2004 года

По данным правительства, в горнодобывающую промышленность в целом предусматривается инвестировать до 20 миллионов долларов. Одной из самых многообещающих для крупного инвестирования отраслей считается также энергетика – возможный объем инвестиций здесь 100 миллионов долларов. Перспективна также сфера переработки сельскохозяйственной продукции. В республике проводится и определенная работа в направлении развития туризма. Только в Степанакерте действует до 10 современных гостиниц. Среди посещающих Нагорный Карабах туристов наибольший процент составляют граждане США, Франции, Канады, Германии.

Социальная сфера

В НКР, в отличие от Армении, идет выплата компенсаций денежных вкладов населения в Сбербанке, которые обесценились в результате начала реформ в январе 1992 года. В 2003 году был начат 5-ый этап компенсации. На сегодня компенсацию получают граждане, родившиеся до 1938 года. Взамен 1000 советских рублей выплачивается 25 тысяч драмов, то есть около 45 долларов по среднему курсу 2003 г. (1 доллар – примерно 560 драмов).

Зарегистрировано 4298 безработных, из коих 3994 – женщины. 185 человек получают пособие по безработице. Размер пособий 3500 драмов (около 6 долларов США). Безработный имеет право получения пособия максимум до 12 месяцев.

С 1 января 2004 г. в Нагорном Карабахе вступил в силу Закон «О государственных пенсиях». Согласно закону право на получение пенсии по старости имеют граждане, достигшие 63 лет и имеющие не менее 5 лет стажа страховки. Лицам, не имеющим такого стажа, социальная пенсия по старости назначается в 65-летнем возрасте. Законом для женщин предусмотрена следующая возрастная шкала: если в 2004 г. они смогут оформить себе пенсию в 59,5 лет, то в 2005 г. – в 60, в 2006 г. – в 60,5 лет и т.д. Законом определен также порядок назначения пенсий по инвалидности, в случае потери кормильца, детям, лишенным обоих родителей, предусмотрен и ряд льгот. Так, пенсию по потере кормильца студенты очных отделений учебных заведений получают до достижения ими 23 лет.

Год от года растет число семей, желающих обосноваться в Нагорном Карабахе. Согласно специальной 10-летней правительственной программе, на постоянное жительство в НКР предусматривается принять примерно 67 тысяч человек. Среди них и проживавшие в Азербайджане армяне, ставшие беженцами в результате азербайджано-карабахского вооруженного противостояния. По словам начальника Управления по вопросам миграции и беженцев при Правительстве НКР Сержа Амирханяна, в 2002 году на постоянное жительство в Нагорный Карабах было принято 105 семей, в 2003 г. – 156. В 2004 году планируется принять еще 170 семей. За счет государственных средств для указанной категории семей сооружается жилье – в 2004 году планируется построить еще около 90 домов. Властям НКР помогают армяне диаспоры. К примеру, Армянский образовательный фонд Западной Амери-

ки строит школы в сельских населенных пунктах — 2-3 школы в год. В решении гуманитарных вопросов содействует также Армянская Епархия Тегерана, а также представители армянской диаспоры Ливана, Канады, Франции. На их средства в сельских населенных пунктах Нагорного Карабаха строятся детские сады, налаживаются системы жизнеобеспечения.

Правовая сфера

В целом криминогенная ситуация в НКР продолжает оставаться стабильной. Правда, на фоне уменьшения числа уголовных преступлений, в частности, тяжких, растет количество гражданских дел. По итогам работы правоохранительных органов НКР за 2003 год выяснилось, что криминогенная обстановка в непризнанной республике улучшилась.

За последние два года наблюдается тенденция сокращения общего числа преступлений. В 2001-2003 гг. число преступлений по сравнению с предыдущими годами сократилось на 177. В 2003 году на территории республики было совершено 605 преступлений, 92 из которых — средней тяжести и тяжкие. Однако на фоне сокращения общего числа преступлений наблюдается определенный рост преступлений средней тяжести и тяжких. Преимущественно увеличилось число таких преступлений как попытка умышленного убийства (4 случая), приобретение, хранение наркотиков (11 случаев), кража личного имущества (9 случаев), мошенничество (8 случаев). Раскрываемость преступлений составила 93,5%.

Если в 2002 г. несовершеннолетними было совершено 49 преступлений, то в 2003 г. — 40. В настоящее время на учете в инспекции по делам несовершеннолетних состоят 52 подростка.

В 2003 г. в судах с участием прокуроров было рассмотрено 294 уголовных дела, по 272 из них были вынесены приговоры. 29 человек были осуждены за совершение тяжких преступлений.

В 2003 г. Президент Нагорно-Карабахской Республики подписал указ о помиловании 7 заключенных. Еще 16 человек помилованы частично. 9 осужденным в помиловании было отказано.

В 2003 г в Нагорном Карабахе были проведены ряд реформ, направленных на приведение судебной системы в соответствие с международными стандартами. С 1 января 2004 г. в полномо-

чия Суда первой инстанции республики перешло право санкционирования решений об аресте и обыске квартиры, а также об ограничении права на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовой, телеграфной и других сообщений. Суд начал рассматривать также ходатайства о выполнении следственных и оперативно-розыскных действий, применении ограничивающих конституционные права и свободы личности средств процессуального принуждения, вынося решения об удовлетворении или отклонении ходатайства. Таким образом, под контроль суда в досудебном расследовании перешел ряд функций, которые ранее сохранялись за органами прокуратуры.

Проблемы терроризма и наркотрафика

Президент Азербайджана Ильхам Алиев призвал международное сообщество провести проверку на территории непризнанного Нагорного Карабаха на предмет выявления следов существования там лагерей террористов и выращивания наркосодержащих культур. Во время встречи с Антонио Мариа Коста, заместителем Генерального Секретаря ООН, исполнительным директором Управления ООН по контролю за наркотическими средствами и предупреждению преступности, Ильхам Алиев заявил: «По имеющейся у азербайджанской стороны информации, через территорию непризнанной республики Нагорный Карабах проходит наркотрафик. Есть вероятность, что там расположены плантации наркотиков, а также лагеря по подготовке международных террористов».

В ответ власти НКР подтвердили свою готовность принять международную мониторинговую группу с тем, чтобы доказать беспочвенность этих обвинений. Заместитель министра иностранных дел НКР Масис Маилян заявил, что руководство республики готово создать для независимой международной мониторинговой группы все необходимые условия для работы на всей без исключения подконтрольной Нагорному Карабаху территории.

На заседании Комиссии ООН по наркотикам в Вене в одном из представленных на рассмотрение комиссии предложений говорилось о необходимости пригласить экспертов департамента ООН по наркотикам, а также соответствующих органов системы Объединенных Наций, Интерпола и других международных ор-

ганизаций для изучения ситуации с наркотиками в некоторых странах, включая Нагорный Карабах. Согласно информации Международного института освещения войны и мира (IWPR), утверждения Азербайджана о том, что территория Карабаха используется для незаконных транзитных операций, не получили подтверждения и со стороны ООН: на вопрос о том, имеются ли у Баку доказательства на сей счет, представитель Департамента ООН по наркотикам и преступлениям (UNODC) ответил отрицательно.

Тем не менее, по всей вероятности, вопрос наркотрафика не снят с повестки дня и в обозримом будущем будет неоднократно использоваться противоборствующими сторонами в политических целях.

Проблема города Шуши

Восстановление и благоустройство Шуши – очень большой вопрос: в городе больше разрушений, чем уцелевших построек. Только на средства госбюджета восстановить Шуши практически невозможно. Администрация города надеется на поддержку армянской диаспоры. У руководства республики есть ряд договоренностей с организациями и частными лицами диаспоры относительно программ по восстановлению Шуши, в свое время являвшегося одним из духовных и культурных центров Закавказья.

В настоящее время в Шуши проживают, кроме местных жителей, также беженцы из Азербайджана, переселенцы из Армении и других государств постсоветского пространства. Согласно данным Национальной статистической службы НКР, если в 1999-ом году население Шуши составляло 2600 человек, то в 2002-ом оно достигло 3060. Однако темпы восстановительных работ недостаточны и все еще остается много нерешенных проблем. Очень актуальна проблема занятости. По состоянию на 1-е января 2003 года работой в городе Шуши были обеспечены только 1078 человек.

Существует и проблема газоснабжения. Хотя газ к городу подведен, однако в дома он не поступает по причине отсутствия счетчиков. ГЗАО «Арцахгаз» не имеет финансовых возможностей для приобретения счетчиков. Есть острая необходимость капитального ремонта водопроводных труб и системы водоснаб-

жения города в целом, а также восстановления крыш многоэтажных домов.

Шушинская стоматологическая поликлиника, благодаря Ассоциации армянских стоматологов Торонто с мая 1998 года работает на бесплатных началах. Ассоциация обеспечивает поликлинику необходимой аппаратурой, лекарственными препаратами. Ежегодно услугами поликлиники бесплатно пользуются несколько тысяч граждан.

Шушинская общеобразовательная специализированная музыкальная школа-интернат имени Даниэля Газаряна, спонсируемая армянами Лос-Анджелеса, год от года увеличивает число учащихся и классов. В нынешнем году помимо открытия еще нескольких классных комнат планируется завершить строительство спортивного и концертного залов. В школе созданы также все условия для интересного досуга. По словам руководителя специально созданного общества «Шушинская музыкальная школа» (США) Карена Гарибяна, в ближайшие годы предусматривается реализация ряда других программ, направленных на комплексное восстановление и развитие культурной жизни Шуши.

В августе в ходе совещания в правительстве НКР было одобрено предложение французской общественной организации «Шен» об открытии в Шуши Центра культуры. С согласия Министерства образования, культуры и спорта НКР и Архитектурного совета республики правительство приняло решение о безвозмездной передаче указанной организации полуразрушенного здания Малой мечети, площадью около 135 кв. м. Ремонтно-восстановительные работы мечети планируется начать в ближайшее время.

Предприниматели из Лос-Анджелеса заявили о намерении восстановить центральную гостиницу города Шуши. Кроме того, в их планы входит восстановление в Степанакерте зданий бывшего молодежного комплекса и автовокзала, а также строительство в столице НКР галереи искусств.

Не исключено, что для того, чтобы заинтересовать инвесторов и ускорить темпы восстановления Шуши, а также увеличить поток переселенцев в этот исторический центр Нагорного Карабаха, городу будут переданы некоторые столичные функции либо он будет объявлен столицей НКР.

Экологическая ситуация

С целью усиления контроля за законностью вырубки редких видов деревьев решением Президиума НС НКР была создана временная парламентская комиссия, в состав которой вошли 4 депутата. Депутатами был разработан механизм деятельности, который, в частности, предусматривал непосредственную работу с крупными лесопользователями. Однако в республике отсутствует система подзаконных актов, способная обеспечить эффективную деятельность в данной сфере. Нормативная база, видимо, должна быть сформирована непосредственно исполнительной властью. Необходима также информационно-разъяснительная работа с населением.

В последние годы в Нагорном Карабахе актуализировалась проблема проселочных дорог, отдельные участки которых были выведены из строя в результате оползней. Общий ущерб от этого, по оценкам специалистов, составил 125 миллионов драмов (более \$220 000). На данный момент поврежденные участки изучаются и составляется смета на их восстановление. Согласно утверждению представителей правительственных структур Нагорного Карабаха, разработана программа по ремонту поврежденных участков дорог стоимостью в 40 миллионов драмов.

Урегулирование конфликта: позиции сторон и внешнеполитическая ситуация

Минувший год можно считать «мертвым сезоном» в вопросе урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Главная причина – завершившийся цикл выборов в Армении (президентские и парламентские) и в Азербайджане (президентские), из-за чего стороны не могли вести сколько-нибудь продуктивных консультаций и переговоров.

На Южном Кавказе де-факто сформировалась система «три плюс три», объединяющая в общее пространство как признанные (Азербайджан, Армения и Грузия), так и непризнанные государства (Республику Абхазия, Нагорно-Карабахскую Республику и Республику Южная Осетия), причем силовая составляющая последних, по меркам региона, представляется достаточно впечатляющей. Вероятность игнорирования этих обстоятельств со стороны ведущих политических игроков в дальнейшем невысока.

Международная правовая система находится в развалинах после войн на Балканах и в Ираке, после 11 сентября и после провала плана «Дорожная карта». Апеллировать сегодня к ней практически малопродуктивно. Непризнанные государства и их лидеры понимают, что они являются с одной стороны, жертвами политики «двойных стандартов», а с другой стороны, активно, а в ряде случаев достаточно умело, пользуются сложившимся положением дел в мире и регионе. По этой причине трудно предсказывать скорое урегулирование существующих конфликтов, в том числе и нагорно-карабахского, также как и возобновление открытой конфронтации между противоборствующими сторонами.

Если говорить о главных политических игроках в регионе, то не исключено, что в обозримом будущем в США будет пересмотрена роль Турции как главного партнера в регионе. Позиция России и ЕС по Кавказу совпадают больше, хотя во многом остаются достаточно расплывчатыми.

Позиция Азербайджана

В последнее время азербайджанская сторона часто говорит о несостоятельности Минской группы ОБСЕ в деле урегулирования конфликта. Кроме того, Баку настаивает на том, чтобы Нагорно-Карабахская Республика, как непризнанное образование, была исключена из процесса урегулирования, и отказывается признавать ее непосредственной стороной конфликта. Эта позиция представляется странной некоторым наблюдателям в том плане, что, согласно утверждениям Баку, армяне Нагорного Карабаха де-юре продолжают оставаться гражданами Азербайджана.

Позиция Нагорного Карабаха

Власти НКР настаивают на том, что проблема должна быть решена именно в рамках Минской группы ОБСЕ, так как, по их мнению, формат самой МГ ОБСЕ и, в первую очередь ее сопредседателей, является оптимальным и представляет собой действенный инструмент для разрешения данного конфликта.

В основе позиции НК по вопросу урегулирования лежат следующие постулаты:

- признание международным сообществом СССР является признанием и его конституционного права,

- согласно конституционному праву СССР областная/республиканская автономия признавалась как форма государственного существования, а ее население — в качестве субъекта права на полное самоопределение. Так, нынешние члены ООН Киргизия, Казахстан, Молдова имели в прошлом, как и Нагорный Карабах, статус автономной области/республики,
- постановка вопроса о выходе Азербайджанской ССР из состава СССР, если рассматривать ее в правовом поле СССР, должна была автоматически ввести в действие основанный на принципах Конституции Закон СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Исходя из конституционного принципа самоопределения, заложенного в основу национально-государственного устройства СССР, Закон однозначно подтверждал право населения автономий и территорий с компактным инациональным населением в случае выхода соответствующей республики из СССР самостоятельно определять свой государственный статус.

Кроме того, НКР настаивает на своем возвращении за стол переговоров, ссылаясь на следующие соображения:

- мандат Минской группы ОБСЕ;
- решения Будапештского саммита ОБСЕ, который признал НКР стороной конфликта;
- заключение 12 мая 1994 года соглашения о прекращении огня стало возможным лишь после того, как Нагорный Карабах принял участие в переговорах в качестве полноправной стороны конфликта;
- Бишкекский протокол подписан в трехстороннем формате.

В вопросе представительства НКР есть некоторое неприятие Степанакертом позиции официального Еревана, который, по мнению Нагорного Карабаха, недостаточно активно лоббирует его возвращение за стол переговоров в рамках Минской группы ОБСЕ. Вообще, интенсивность контактов между официальными лицами Армении и Нагорного Карабаха в течение минувшего года существенно снизилась. Это косвенно, свидетельствует о некотором охлаждении с сентября-ноября 2003 года отношений

между Арменией и НКР, и это притом, что президент Армении Роберт Кочарян является уроженцем Нагорного Карабаха и был первым президентом непризнанной НКР. Официальный Ереван в целом контролирует положение дел в политической элите Нагорного Карабаха, но это не означает, что он имеет карт-бланш на абсолютное представительство национальных интересов этого непризнанного государства.

В последнее время для Нагорного Карабаха, по мнению Степанакерта, сложились два неприятных фактора: с одной стороны, это — отстраненность Карабаха от международных процессов и невозможность его непосредственного воздействия на Европу, с другой — озвученные неадекватные формулировки карабахского конфликта. В Степанакерте считают, что карабахская проблема, возникшая 15 лет назад как проблема самоопределения народа, рассматривается сегодня в Европе в качестве проблемы контроля некой неопределенной армии над некими территориями. В центр внимания выведена проблема азербайджанских беженцев и необходимости одностороннего вывода войск из ряда районов. Сам же складывающийся механизм урегулирования нельзя назвать посредничеством — скорее, это метод директивных отношений между европейским центром и странами-членами объединенной Европы. Такое начало ничего хорошего Карабаху не сулит, и Степанакерт полагает, что ему надо выработать свои подходы. Если последние 10 лет урегулированием проблемы занималось ОБСЕ, которое имело традиционные подходы, вполне понятные армянскому истеблишменту, то теперь ситуация изменилась. Еще в прошлом году докладчик ПАСЕ Терри Дэвис озвучил фразу о возможности оценки деятельности Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию. Согласно дипломатической логике это может означать, что в Европе зарождаются параллельные усилия по урегулированию, которые в итоге могут стать доминирующими. Сегодня этот процесс обретает более четкие контуры — взять хотя бы то, что выдвигаются формулировки, которые принципиально отличаются от подходов МГ. Между тем, Минская группа выполнила по крайней мере одну из своих функций — сохранение режима перемирия. Во многом благодаря симметричности подходов все возможные баталии выводились в дипломатическую сферу. В нынешних действиях европейских структур бесспорно преобладает

асимметрия. Не случайно появились высказывания армянских депутатов о том, что в позиции Европы произошли резкие изменения и появились опасные подходы.

Позиция Армении

Точка зрения Армении на нынешнее состояние дел в процессе урегулирования проблемы Нагорного Карабаха в течение 2003 года неоднократно озвучивалась устами министра иностранных дел Вардана Осканяна и выглядит она приблизительно следующим образом:

- население Нагорного Карабаха всегда было и сегодня остается армянским по языковому, религиозному и культурному признакам. По правовому и историческому аспектам Нагорный Карабах был армянским на протяжении веков;
- в момент развала Советского Союза, Нагорный Карабах в рамках закона воспользовался своим законным правом на самоопределение и выбрал армянское будущее. За последние полтора десятилетия Карабах оставался хозяином своей судьбы. Кроме 75 лет вынужденного нахождения в составе Советского Азербайджана, Нагорный Карабах никогда не был ассоциирован с этой страной. Вследствие этого нереалистичны ожидания, что Нагорный Карабах будет передан властям Азербайджана, притом, что он никогда не принадлежал Азербайджану ни исторически, ни по праву. Однако, ожидания, что армяне в соседстве с Азербайджаном будут жить мирно без военной буферной зоны — полностью реалистичны;
- главным вопросом в урегулировании проблемы Нагорного Карабаха является его статус, а все остальные вопросы (проблема подконтрольных армянским вооруженным формированиям территорий, возвращение беженцев в места постоянного проживания и т.д.) — только производные от главной проблемы.

Позиция США

В политике США есть тенденция рассматривать Южный Кавказ как часть Большого Среднего Востока. Дальнейшие действия США в регионе, на наш взгляд, будут во многом зависеть от тенденций развития ситуации в Афганистане, Ираке, палестино-из-

раильском противостоянии. Не исключено, что главным элементом среднесрочной политики США будет курс на поддержание стабильности и управляемости (пусть кризисной) в регионе, с тем, чтобы впоследствии достичь полного урегулирования ситуации.

Ситуация в регионе, а потенциально и в зоне карабахского конфликта, может существенно осложниться в контексте заявлений заместителя командующего войсками США в Европе генерала ВВС Чака Уолда, который в октябре 2003 дал интервью американской газете *Defense News* («Новости обороны»). По словам генерала, командование американскими войсками в Европе намерено усилить свое присутствие в Африке и Прикаспийском регионе. Среди стран, в которых могут быть созданы военные базы США, был назван и Азербайджан. По мнению Уолда, конкретно в Азербайджане американские военные будут решать, в частности, и задачу патрулирования и обеспечения безопасности нового трубопровода Баку-Джейхан. Посольство США в Армении прокомментировало заявление Чака Уолда следующим образом: «Генерал Уолд сделал свое заявление в связи с обсуждениями, касающимися возможной реорганизации EUCOM (европейское командование войск США). Подобные намерения вызваны необходимостью обеспечения адекватной готовности к возможному развитию событий. Ведь формально НАТО был создан в противовес возможной конфронтации с СССР в Европе. Сегодня борьба ведется с международным терроризмом, и старая структура, в основном сконцентрированная в Западной Европе, — не самый лучший вариант устранения этой угрозы. Нынешний процесс переосмысления роли EUCOM и обсуждения вокруг повышения эффективности данной структуры в борьбе с угрозой терроризма получил название *EUCOM Transformation*. В связи с чем генерал Уолд перечислил те возможные адреса, где могли бы быть дислоцированы войска НАТО или США, исходя из близости к таким очагам потенциальной угрозы, каковыми являются Афганистан и Ближний Восток, а также выполнения иных задач, касающихся интересов НАТО или США». В Ереване не исключают, что ситуация на Южном Кавказе может развиваться аналогично процессам в Средней Азии, хотя есть существенное отличие, так как Азербайджан и Грузия заявляют о своей однозначной ориентации на НАТО. В то же время, многие местные

наблюдатели считают, что главной целью американцев по-прежнему является Иран. Пока США не подтвердили планов дислокации в Азербайджане американских войск. Если подобное случится, то разбалансировка сложившейся в регионе ситуации вполне вероятна. Противостояние между США и Россией будет нарастать. Азербайджан будет стремиться к военному разрешению нагорно-карабахского конфликта, а Ереван, вполне возможно, получит новый очаг напряженности на армяно-иранской границе, лишаящий его права суверенного общения с Ираном.

В декабре 2003 года парламентариям Армении были представлены некоторые элементы проектов документов, наработанных президентами Гейдаром Алиевым и Робертом Кочаряном при посредничестве США, Франции и России в Ки-Уэсте в 2001 году, после чего в Армении поутихли разговоры об обмене Мегринского района, граничащего с Ираном, на Лачинский коридор. В той части документа, наработанного в Ки-Уэсте, которая была предоставлена парламентариям, речь шла, в частности, о четырех коммуникационных вариантах, каждый из которых предполагает определенное финансирование и не предусматривает транзит только через территорию Мегри.

Возвращаясь к теме Ки-Уэста, заместитель Госсекретаря США Ричард Армитедж в марте 2004 года в Ереване заявил: «Я сам принимал участие во встрече в Ки-Уэсте и могу отметить, что тогдашний президент Азербайджана Гейдар Алиев достиг тогда довольно-таки ошутимого прогресса в переговорном процессе по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Однако впоследствии он имел проблемы в деле представления этого прогресса в своей стране. Я бы сказал, что в Ки-Уэсте договоренностей как таковых не было, был лишь зафиксирован прогресс».

В качестве интересного факта отметим, что анализ недавно рассекреченных документов ЦРУ, свидетельствует о конфиденциальном признании того факта, что Нагорный Карабах является исторической частью Армении. Согласно рассекреченным документам ЦРУ, администрация США, по меньшей мере, с 1970-х годов располагала тремя основными выводами своей разведки, а именно:

- Нагорный Карабах – исторически армянская земля;
- Нагорный Карабах последовательно пытался законными путями воссоединиться с Арменией;

- Враждебность азербайджанцев по отношению к армянам в конце 1980-х — начале 1990-х годов основывалась не на защите прав Азербайджана на Нагорный Карабах, а скорее была следствием недовольства азербайджанцев политической, экономической и демографической ситуацией внутри республики и растущим различием в уровне жизненных стандартов между азербайджанцами и армянами.

Вот ключевые положения этих докладов:

- В документе «Хронологии армяно-азербайджанского конфликта» (Chronology of the Armenian-Azeri Conflict) от августа 1990 года¹ говорится: «В 1921 — 23 гг. новое советское правительство превратило Нагорный Карабах, исторически армянскую территорию, в автономный регион в составе Азербайджанской ССР»;
- в документе «Нестабильность на Кавказе и угроза национализма» (Unrest in the Caucasus and the Challenge of Nationalism) от 1988 года, признан исторический статус Нагорного Карабаха, как «армянского культурного и религиозного центра»². В исследовании особо подчеркивается, что «на протяжении веков Карабах оставался полуавтономным образованием и управлялся армянскими князьями даже тогда, когда остальная часть Армении находилась под турецким и персидским владычеством». В том же документе сообщается, что в рапорте ЦРУ 1978 года «О советских национальных меньшинствах»³ отмечалось, что население одного из проблемных регионов Кавказа — НКАО в состоянии приложить еще больше усилий и аргументов для вхождения в состав Армении. «НКАО остается в составе Азербайджана, хотя больше 80% его населения — армяне, и он граничит с Арменией. В 1975 году, согласно сообщению азербайджанской республиканской газеты, руководство НКАО было смещено из-за поддержки движения, целью которого являлось включение НКАО в состав Армении»⁴.

¹ См. http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000498698/0000498698_0009.gif

² См. http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000499607/0000499607_0004.gif%20

³ См. http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000499607/0000499607_0009.gif

⁴ См. http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000518375/0000518375_0001.gif

Позиция России

Главным ресурсом политики России в регионе остаются: а) военные поставки, т.к. вооружение всех армий региона советское/российское (запчасти, боеприпасы и пр.), б) воздействие на ситуацию через поставки энергоносителей и сеть трубопроводов, оставшуюся еще со времен СССР. При реализации этой политики Россия в обозримом будущем может испытывать проблемы и противодействие со стороны своих геополитических оппонентов, а достигнутые сегодня успехи могут оказаться временными.

Касаясь роли России в нынешней ситуации, советник президента НКР по внешнеполитическим вопросам М. Саркисян отметил, что с одной стороны, Россия сама пытается наладить отношения с Европой, а с другой — она имеет свои собственные интересы в регионе. В Степанакерте считают, что победа патриотического вектора в России всегда приводила к ее стремлению играть более весомую роль в мировой политике. Все это делает нынешнюю позицию России достаточно сложной и трудно прогнозируемой. Не случайно полное молчание российской делегации при обсуждении карабахской проблемы в ПАСЕ.

«Страховочный план»

Осенью 2003 года в печати появился «Страховочный план» карабахского урегулирования, предложенный Чрезвычайным и Полномочным Послом Владимиром Казимировым, который в 1992-96 гг. был руководителем посреднической миссии России, полномочным представителем Президента Российской Федерации по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, участником и сопредседателем Минской группы ОБСЕ от России. В настоящее время В. Казимиров — заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов.

В. Казимиров полагает, что достичь соглашения на основе прежних подходов невозможно, так как они скомпрометированы попытками сторон навязать их друг другу. Не проходят ни «пакетное решение» (Баку не способен подписать документ с отказом от Нагорного Карабаха), ни урегулирование «в два этапа» (армяне не уйдут безоговорочно с территорий, занятых ими за пределами НК). Тупик в этих главных, приоритетных для сторон вопросах, полностью блокирует любой прогресс в переговорах — даже в других, казалось бы, несложных делах. Нужно попытаться

ся как бы обойти эти барьеры, «зайти с другой стороны». Важно, чтобы новый подход не был ангажирован и скомпрометирован ни одной из сторон. И лучше, если он даже не удовлетворит ни одну из них полностью.

Суть «Страховочного плана» В. Казимилова в следующем:

1. Прежде всего, пора отказаться от иллюзий, будто встречи глав двух государств — самый короткий путь к успеху. Не только президенты, но и министры иностранных дел не могут встречаться часто, у них масса других забот. Нередко им для встреч, отягощаемых конъюнктурой и множеством условностей, нужны, как удобный предлог, высшие международные форумы. Самым ценным вкладом руководителей было бы такое проявление дальновидности и политического мужества, как провозглашение (совместно или самостоятельно) курса на преодоление распрей и историческое примирение между армянами и азербайджанцами. Возможно, пришлось бы сделать это не разом, а по нарастающей — в двух-трех публичных заявлениях, способных постепенно сбить косное, негативное восприятие абсолютно неизбежных уступок своей стороны, даже если они будут сбалансированы. Конечно, при застое в урегулировании периодические встречи первых лиц полезны. Прежде всего, для закрепления приверженности мирному пути разрешения конфликта, а затем и для развязывания на высшем уровне наиболее сложных узлов. Но если рассчитывать лишь на встречи лидеров, то очень скоро их прервет полоса новых выборов в Нагорном Карабахе, Армении, Азербайджане.

2. При посредничестве сопредседателей Минского процесса ОБСЕ и вне зависимости от конъюнктуры должна идти непрерывная работа по поискам урегулирования в рамках регулярных переговоров на ответственном уровне с привлечением экспертов. Возглавить делегации должны деятели, пользующиеся полным доверием первых лиц — возможно, члены правительств со специальной миссией урегулирования конфликта.

3. В переговорах должны принять участие три стороны конфликта (включая Нагорный Карабах). Вопросы, касающиеся всех сторон, обсуждаются в полном составе, а остальные — Азербайджаном с Арменией или с Нагорным Карабахом («третья» сторона становится тогда лишь наблюдателем). Например, меры по нормализации обстановки на армяно-азербайджан-

ской границе рассматривают РА и АР, линию отвода войск и демилитаризацию освобождаемых территорий — АР и НК. Азербайджанская делегация имеет дело с карабахской как представляющей временные власти Нагорного Карабаха или власти «де-факто».

4. Концептуальное ядро «страховочного плана» — обойти «главные барьеры» и подвергнуть их постепенной эрозии, систематически снижать напряженность путем решения вначале самых легких, частных вопросов, которые сами по себе вполне решаемы уже сейчас, но остаются как бы заложниками неразрешенности наиболее трудных проблем. В условиях нынешнего застоя и полного тупика надо дать сторонам шанс продемонстрировать свою полную «вменяемость», то есть решить хоть какие-то другие вопросы. И лишь потом, не спеша, но и не мешкая, приступить к «восхождению от простого к сложному». Для этого необходимо обеспечить открытую повестку дня переговоров — не исключать из рассмотрения и не откладывать на дальнейшее ни одного спорного вопроса. За истекшие годы позиции сторон достаточно прояснены: известно, кто чего хочет. С первого же раунда посредники прагматически поставят целью поиск «разменных пар», «сделок» (небольших пакетов договоренностей — нередко асимметричных — по любым спорным вопросам). Несмотря на незначительный вначале масштаб «сделок», самые первые «размены» — скорее всего, во второстепенных или даже третьестепенных делах — будут иметь важное психологическое значение. Приучать общественное мнение к взаимным уступкам придется настолько малыми дозами, что это не для уровня глав государств. Такой подход потребует от сторон прагматизма, т.е. отказа от абсолютной «зашоренности», максимализма, бескомпромиссности южного менталитета («не уступлю ничегошеньки, пока не удовлетворят все мои требования»). Негативизм, нежелание идти даже на мелкие «размены» гораздо четче, как лакмусовая бумажка, высветят неконструктивность той или иной стороны, ее стремление мешать оздоровлению обстановки, искусственно сохранять и взвинчивать напряженность. Это быстро ослабит ее международные позиции.

5. Сопредседатели заранее согласуют «правила игры» для переговоров, определяют порядок их проведения и обсуждения во-

просов. Стороны не должны прерывать или приостанавливать переговоры, достигнутые договоренности необратимы и реализуются на практике.

6. С момента начала переговоров стороны должны взять обязательство прекратить на годичный срок враждебную пропаганду по официальным каналам. На самих переговорах они обязуются проявлять сдержанность, обоюдно снимают раздражители, мешающие конструктивному диалогу (убирают пропагандистскую лексику, полемические выпады, взаимные обвинения, неприемлемые для другой стороны формулировки (скажем, армянские стороны подзабудут слова «Нагорно-Карабахская Республика», азербайджанцы не используют термин «сепаратисты» и т.п.). Идет только «торг», приводятся лишь «прикладные» аргументы в поисках сбалансированных «сделок».

7. Стороны должны также послать сигналы общественному мнению, приняв меры против проявлений обоюдной нетерпимости. Например, договариваются о прекращении «войны» в топонимике, в официальных текстах переходят к двойному названию «оспариваемых» населенных пунктов: после «своего» названия проставляется в скобках название противостоящей стороны например, армяне пишут: Степанакерт (Ханкенди), азербайджанцы: Ханкенди (Степанакерт). Возможны и другие сравнительно нетрудные «размены». Например, стороны без какого-либо реального ущемления своих позиций могут договориться если не об отмене, то о приостановке на год действия двух актов по Нагорному Карабаху (решений парламентов Армении от 1 декабря 1989 г. и Азербайджана от 26 ноября 1991 г.).

8. «Страховочный план» — не идеальная панацея: дело может вновь зайти в тупик из-за позиции той или иной стороны, более того — рано или поздно упрется опять в главные трудности. Но это произойдет уже в иных условиях: когда доказана способность сторон решать какие-то вопросы; нынешний уровень напряженности уже будет несколько приспущен; укрепится вера в мирное урегулирование, станет труднее взывать к силовому решению конфликта. В любом случае ситуация не будет хуже нынешней, а стороны будут вынуждены больше считаться с мнением международного сообщества, настаивающего на урегулировании конфликта.

Комментируя «Страховочный план карабахского урегулирования», предложенный послом Владимиром Казимировым, депутат Национального Собрания Нагорно-Карабахской Республики, член парламентской комиссии по внешним сношениям Максим Мирзоян, в частности, отметил: «Без международных посредников возобновление переговорного процесса по карабахскому урегулированию на сегодня практически невозможно. Изначально формат Минской группы ОБСЕ был оптимальным для решения проблемы, но включение в группу Турции перепутало все карты. Кроме того, сама Минская группа ОБСЕ отказалась от основных принципов, заложенных в Заключительном Хельсинкском Акте. В частности, введение в практику многостандартных подходов к урегулированию конфликтов, подобных карабахскому, привело к нынешней ситуации, к «пробуксовке», говоря словами Казиминова, переговоров». Вместе с тем депутат отметил, что карабахский вопрос должен решаться в правовой и политической плоскостях, причем ни одной из них не должен отдаваться приоритет. Он считает необходимым подвергнуть международной независимой экспертизе все политические решения НКР и Азербайджана в отдельности, главным образом с целью ответить на вопрос о правомочности проведения в Нагорном Карабахе референдума в контексте решений Азербайджана о своей независимости. М. Мирзоян полагает, что основной политической задачей посредников должен стать вопрос обеспечения реальной, а не виртуальной безопасности. Именно идея безопасности должна быть заложена в основу возобновления переговорного процесса. При этом безопасность должна рассматриваться по всем параметрам — политическому, экономическому, военному, демографическому, географическому и др., а обеспечиваться без вмешательства какой-либо третьей стороны. Вопрос безопасности должен быть ключевым, а вопрос статуса — производным от него, одним из его реальных параметров. НКР, прежде всего, должна ратовать за «статус безопасности». Если же обеспечить реальные параметры безопасности, то стороны, по убеждению М. Мирзояна, согласятся на взаимные уступки. Компромисс не может состояться, если он в той или иной степени негативно отражается на безопасности в целом.

Дипломатические шаги

В течение 2003 года президент и министр иностранных дел НКР неоднократно бывали в Москве, Париже и США. Кроме этих трех столиц, НКР имеет своих представителей также в Бейруте и Австралии. Руководство НКР регулярно получает послания из Конгресса США и других стран. В августе прошлого года Степанакерт посетила представительная делегация помощников и советников членов Палаты Представителей и Сената США. Члены делегации представляли тех американских конгрессменов, которые работают в комиссиях по ассигнованиям и иностранных дел палат Конгресса. В течение минувшего года с визитом в Степанакерте побывали делегации ученых, писателей, журналистов и общественных деятелей из США, Великобритании (делегацию возглавляла вице-спикер Палаты лордов Парламента Великобритании Кэролайн Кокс), России и других стран.

Степанакерт считает необходимым установление новой сферы взаимоотношений со странами Европы. «Никто не может запретить Карабаху вступать в диалог с отдельными странами, с которыми у него уже есть опыт общения», — отметил Манвел Саркисян.

* * *

По итогам 2003 года непризнанная международным сообществом Нагорно-Карабахская Республика де-факто является составной частью единого политического, оборонного, правового, экономического, финансового и культурного пространства Республики Армения. Более того, в ряде ключевых вопросов внутренней и внешней политики влияние Степанакерта на ситуацию в Армении остается очень важным, если не решающим.

При подготовке доклада были использованы информационные и аналитические материалы информационных агентств «Регнум» и «Ноян тапан» за 2003-2004 гг.

И. Кузнецов

Северо-западный Кавказ (Краснодарский край): что происходит с этническими меньшинствами?¹

В Краснодарском крае основную часть населения составляют русские — 4314,8 тыс. чел., что соответствует 86,2 % от общего количества жителей. Представители «русского народа» в действительности говорят на разных восточнославянских языках (русский, украинский) и сформировались в результате Кавказской войны (первая половина XIX в.) и последующей колонизации Кавказа казачеством и крестьянством. Другие этнические группы представлены в намного меньших объемах и на этом основании могут быть отнесены к *этническим меньшинствам*. Среди таковых выделяются различные группы армян — 242 тыс. чел. ($\approx 4,0$ %), украинцы — 198,6 тыс. чел. ($\approx 3,0$ %), остальные же (примерно около 100 групп) еще малочисленнее (статистические данные на 01.01.2001 г.).

Эти меньшинства можно также отнести к двум категориям: *коренным и малочисленным народам* (например, адыги-шапсуги) и более поздним *мигрантам* (амшенские армяне, турки-месхетинцы, ассирийцы, греки и др.). Коренное население настаивает на своих особых правах и подчеркивает, что его предками были горцы, проживавшие здесь до прихода русских. Некоторые группы мигрантов появились здесь одновременно с русскими или даже чуть раньше (например, армяне), тогда как другие стали переселяться на Северо-западный Кавказ только в 1980-е годы (турки-месхетинцы). Особое место в разнообразии современных этнических общностей занимают транснациональные группы или сообщества. Это — общности, не имеющие постоянной тер-

¹ В статье опубликованы результаты работы над коллективным проектом творческой группы под рук. И. В. Кузнецова: «Transnational and Native Ethnic Groups of Caucasian Black Sea Coast in Transition». Проект осуществлялся в период с сентября 2000 по август 2002 года и финансировался Институтом Открытое общество (RSS№ 1179/2000, Soros Foundation).

ритории проживания и сформировавшиеся в ходе постоянных миграций. В современной науке к ним проявляется все больший интерес, т.к. они во многом не укладываются в традиционные схемы этничности, принятые в науке, в частности, в концепцию этноса советской этнографии.

Ксенофобия со стороны региональной власти

Публичные расистские заявления, способствующие разжиганию этнической и религиозной розни, набирают все больший оборот в России в последнее время. Подобная тенденция наблюдается не только в маргинальных кругах, но также и в мейнстриме, среди заметных политических фигур. К сожалению, это очень характерно и для Краснодарского края. Вспомним печально известное высказывание губернатора Александра Ткачева:

«Кубань - это казачья земля, и все об этом должны знать... МЫ БУДЕМ СМОТРЕТЬ, КТО С КЕМ ДРУЖИТ, И НА ОКОНЧАНИЯ ФАМИЛИЙ!..»².

Эти идеи уже начали претворяться в жизнь. Почти два десятка лет краснодарские власти проводят дискриминационную практику в отношении этнических меньшинств, как мигрантов, так и коренного малочисленного населения. Так, в Уставе края, принятом Законодательным собранием в новой редакции 4 июля 1997 г., прямо заявлялось:

«Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа... ЭТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО УЧИТЫВАЕТСЯ при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления»³.

В тексте устава нет никаких упоминаний ни о коренном населении — шапсугах, которые продолжают проживать на территории края, ни об этнических меньшинствах.

² Газета «Известия», 20 марта 2002.

³ Устав Краснодарского края, Ст. 2, п. 1я.

Рубен Мангасарян/Patker

Граница Абхазии и России. Челноки из Абхазии везут в Россию товар на продажу.

Гогита Бухаидзе /Patker-Soyuz Media Center

Десятки цыган из Тбилиси и других городов Грузии собрались в селе Тмарисы на церемонии крещения. Цыганский барон крестил в реке Кция сто двадцать мужчин, женщин и детей.

Еще совсем недавно в крае действовало региональное и местное законодательство, которое ограничивало права человека, в том числе права меньшинств: Решения сессий Краснодарского краевого совета народных от 26 августа 1989 г., от 14.04.90 г., от 7.08.92.; Постановления главы администрации Краснодарского края № 494 от 23.12.93, № 222 от 19.04.94, № 400 от 31.08.92, № 110 от 31.03.93, № 138 от 3.03.95, № 438 от 7.08.95; Закон Краснодарского края «О порядке регистрации пребывания и жительства на территории Краснодарского края» № 9-КЗ от 23.06.95 (в отношении мигрантов – армян, месхетинских турок, ассирийцев и др.).

Причем отсутствие регистрации («прописки») приводило (и приводит до сих пор) к ограничению практически всех гражданских и социальных прав. Так, людям, не имеющим прописки, отказывают в регистрации браков, и родившиеся в таких семьях дети официально являются рожденными вне брака. Региональные власти налагают запреты на аренду земельных участков и покупку домов лицами без постоянной регистрации по месту жительства. Точно так же эти люди лишаются возможности трудоустройства в организациях и на предприятиях края, т.к. для этого необходима постоянная регистрация по месту жительства, что противоречит федеральному законодательству.

Ничего, по сути, не изменилось и после попыток федеральной власти в мае-июне 2001 г. привести законодательство Краснодарского края (как и других субъектов федерации) в соответствие с федеральным. Наиболее одиозное требование о необходимости учитывать «при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» то, что русские являются главными, было убрано из Устава. Но внесения упоминаний о каких-либо правах этнических меньшинств, хотя бы коренных и малочисленных народов, все равно не последовало. Устранение противоречий более чем в 50 законодательных актах Краснодарского края закончилось принятием новых, а также законодательной же инициативой по внесению в Госдуму проекта Федерального закона «О миграции в Российской Федерации», принятой 6 декабря 2000 г. краем и Республикой Адыгея.

18 марта 2002 г. в городе Абинске (один из центров проживания месхетинских турок) прошло совещание «О состоянии и мерах преодоления избыточной миграции и стабилизации межна-

циональных отношений в Краснодарском крае». В нем приняли участие руководители органов государственной власти края, депутаты Законодательного собрания КК, представители органов местного самоуправления, руководители паспортно-визовых служб, атаманы казачьих обществ, секретари комиссий миграционного контроля городов и районов края. В итоге оно завершилось выработкой решений об ужесточении миграционного контроля и порядка выдворения «лиц, незаконно пребывающих на территории края».

Вслед за этим Законодательное собрание КК приняло постановление «О мерах по усилению государственного контроля за миграцией и административному выдворению лиц, незаконно находящихся на территории Краснодарского края» № 1381-П от 27 марта 2002 г., а губернатор Александр Ткачев подписал закон «О пребывании и жительстве на территории Краснодарского края» № 460-КЗ от 11 апреля 2002 г. В законе четко прослеживается идея коллективной ответственности этнических меньшинств за «нарушение» законодательства о порядке пребывания и жительства.

Эти положения уже начали реализовываться. Власти Крымского района депортировали в соседнюю с краем Ростовскую область двух езидов. Эти выходцы из Армении жили вместе со своими семьями у родственников без регистрации и занимались разведением крупного рогатого скота. Сотрудники милиции вынудили родственников оплатить проезд депортируемых до Ростова, а конфискованные паспорта передали проводникам поезда с приказом отдать владельцам только по прибытию в пункт назначения.

В период с 25 марта по 3 апреля 2002 г. органами внутренних дел было проведено оперативно-профилактическое мероприятие «Иностранец». По словам начальника общественной безопасности ГУВД КК генерал-майора милиции Б. Т. Глебова, в ходе оперативных работ за нарушение правил пребывания в крае привлечено к ответственности 1904 иностранных гражданина, из которых 1733 из стран СНГ. За пределы края выдворены 16 человек (в основном это азербайджанцы, армяне, цыгане). 203 должностных лица привлечено к административной ответственности за несоблюдение паспортно-визового режима, предоставление работы иностранцам без соответствующей регистрации и т.д. и т.п.

Политика краевой администрации в отношении этнических меньшинств, которая имеет откровенно дискриминационный характер, неоднократно критиковалась российскими и международными правозащитными организациями. Официальный доклад Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда при госдепартаменте США (25 февраля 2004) дважды упоминает о недопустимой ситуации, сложившейся в Краснодарском крае: в пункте «D» «О свободе передвижения внутри страны, вопросах миграции и репатриации» (в отношении одной из групп мигрантов — турок-мехетинцев) и в секции «5» «Национальные и расовые меньшинства», в которой цитируется очередное обещание губернатора А. Н. Ткачева (март 2002) региональным и муниципальным чиновникам, создать «*НЕВЫНОСИМЫЕ УСЛОВИЯ для нелегальных мигрантов*».

В октябре 2002 г. турки-мехетинцы из-за систематической дискриминации со стороны властей края при полном попустительстве федеральных властей обратились к правительству США с просьбой рассмотреть возможность их переселения в эту страну и предоставления им там статуса беженцев. Вопрос был решен положительно. С 16.02.04 г. Международная организация миграции и Посольство США в России приступили к выполнению программы с целью принять в США в августе 2004 г. до 10000 турок из Краснодарского края. Это не смутило, а наоборот подстегнуло краевые власти к выталкиванию этой группы мигрантов полностью. Используя суды, с декабря 2003 г. власть стала выносить решения о депортации турок-мехетинцев за пределы России.

Подстрекаемое провокационными идеями, «коренное» («славянское») население края все чаще относится к мигрантам и беженцам «неславянской национальности» действительно враждебно. Расисты и ксенофобы, как, например, группы молодчиков-скинхедов, переходят, что называется, от слов к делу. Число актов насилия, направленных против представителей этнических меньшинств, к сожалению, растет.

Так, в ноябре 2001 года в городе Кореновск был учинен армянский погром. 30 ноября 2001 г. на хуторе Школьном Крымского района подверглись нападению пятеро турок-мехетинцев. Нападавшие применили слезоточивый газ. Все пострадавшие были доставлены в больницу с тяжелыми телесными поврежде-

ниями. В ночь 16-17 апреля 2002 г. на краснодарском городском кладбище было разгромлено около 30 надгробных памятников армян и езидов. В погроме обвинили 11 скинхедов. Все они осуждены условно. 3 марта 2004 в г. Краснодаре снова произошло осквернение могил на том же кладбище. По сообщению главного инженера Валерия Баскакова, разрушено и осквернено 11 надгробных памятников, девять из которых принадлежат армянам, один - адыгу, и еще один памятник остается пока неопознанным.

Коренные народы: шапсуги, абхазы

Шапсуги – один из двух народов Северо-западного Кавказа (второй – абазины), включенных в официальный перечень коренных и малочисленных, прилагающийся к соответствующему закону⁴. Шапсуги – локальная группа адыгов, соседи абхазов с северо-запада. В источниках они известны с конца XVII – начала XVIII в. Их территория включала в себя как черноморское побережье Кавказа (Малый Шапсуг), так и северные склоны Главного хребта и предгорья до р. Кубани (Большой Шапсуг). Но после окончания Кавказской войны (1864 г.) шапсугские махаджеры в массе бежали в Турцию, а оставшихся «мирных» горцев российские власти переместили на равнину, в Прикубанье, освобождая земли Черноморского побережья для казаков и других поселенцев. Только в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. как из Прикубанья, так и из Турции шапсуги стали возвращаться на черноморское побережье.

В первые десятилетия советская власть, сменившая царскую администрацию, предоставила национальную автономию ряду национальных меньшинств. В 1921 году земли, оставшиеся у адыгейцев, были объединены в Черкесскую (Адыгейскую) автономную область. Шапсуги черноморского побережья не были в нее включены. Только в 1924 г. после долгих сомнений был образован Шапсугский национальный район в составе Черноморского округа Юго-Восточного края. Однако в 1945 г. его ликвидировали и переименовали в Лазаревский район г. Сочи. Шап-

⁴ Имеется в виду Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, принятый Государственной Думой 16 апреля 1999 года и одобренный Советом Федерации 22 апреля 1999 года.

суги потеряли статус «титульной национальности» и вновь стали одним из национальных меньшинств наряду с греками, армянами и др.

1 декабря 1990 г. в пос. Лазаревское прошел I съезд причерноморских адыгов, вновь провозгласивший создание Шапсугского национального района как субъекта Российской Федерации. По мнению лидеров шапсугов, статус района должен был обеспечить «...гарантии сохранения шапсугского этноса; гарантии развития других культур; разделение полномочий между органами управления; правила землепользования». Все это вызвало широкий резонанс. Власти спровоцировали эскалацию напряженности, проводя параллели между требованиями шапсугов и ситуациями в Абхазии и Чечне. К настоящему времени вопрос, поднятый шапсугами, так и не получил вразумительного ответа, и вроде бы их национальные лидеры склонны к мысли отказаться вовсе от столь радикального требования⁵.

Как и другие коренные народы этой части Кавказа, в колониальный и постколониальный период шапсуги подверглись сильной аккультурации. На данном этапе они стремятся всячески сохранить свой язык (шапсугский диалект адыгейского языка) и культурную самобытность. Правда, делается это в соответствии с клише советского периода. Шапсуги надеются на контакты с Адыгеей (в настоящее время Республика Адыгея – субъект Российской Федерации). В шапсугских школах преподается курс «Культура и этика адыгейского народа», программу которого присылает Министерство образования Республики Адыгея.

В действительности аккультурация привела к целому ряду изменений в культуре, в особенности в области гендерных отношений, которые делают традиционалистски понимаемое возрождение невозможным. В результате развития образования и широкого вовлечения женщин-адыгеек в социальную жизнь, с 1920-х гг. они действительно приобрели новые социальные статусы и роли. Пиком расцвета образования можно считать 1950-1970-е гг. Но на сегодняшний день оно больше не является единствен-

⁵ Сивер А. В. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 1 (декабрь 1999). С. 6-10.

ным средством для получения материальных благ и соответствующего этому социального статуса. Статус образования падает среди мужского населения, в то время как для женщин получение его остается единственным способом добиться независимого социального положения.

Вместе с тем в национальной идеологии образование играет важную роль, т.к. знание адыгейского языка и культуры через книги выступает в качестве основополагающего компонента, дающего качественно обоснованную возможность не только причислять себя к адыгам, но и считаться таковыми на индивидуальном уровне. Это означает, что в первых рядах тех, кто возрождает адыгейскую культуру, фактически будут женщины, формально и институционально не имеющие на это права.

В настоящее время основная тенденция развития культуры шапсугов (как и адыгов вообще) — ее «маргинализация». Каждый адыг совмещает в своей повседневной жизни знания двух языков и двух культур (своей и русской) с соответствующим поведенческим паттерном для каждой культуры. «Чужая» (русская) культура может представляться более свободной, и нахождение «там» дает возможность избежать ряда традиционных, обязательных на «своей» территории, ритуалов или ограничений, а для некоторых, возможно, снимает традиционные роли даже в «своей» культуре. Среди адыгов-шапсугов распространяются многие пороки, характерные для русского большинства, например, наркомания и алкоголизм.

Для традиционной адыгейской культуры использование наркотиков не является характерным. В адыгейском языке есть только один термин, обозначающий наркотик растительного происхождения — анашу (марихуану, гашиш) — *кIэн*. Человека, который употребляет анашу, называют *кIэнау*. Это слово носит отрицательный оттенок. Слова, обозначающего наркоманию в общем смысле (не относительно определенного наркотика), в адыгейском языке нет. Считалось, что курить анашу может только «хулиган» и бесперспективный человек.

Сегодня все чаще и чаще встречаются случаи употребления не только анаши, но и героина, и других наркотиков. Первыми адыгейцами, начавшими употреблять героин, были мужчины среднего возраста со значительным материальным достатком.

Возраст первых проб был достаточно поздним (старше 26–27 или даже 30 лет), что отличается от современной ситуации с употреблением наркотиков в Краснодаре. До сих пор для Адыгеи характерно отсутствие наркоманов раннего возраста до 20 лет. Среди русского населения это, напротив, один из самых опасных возрастных периодов для наркотизации. Девушки-адыгейки, страдающие наркозависимостью, не известны⁶.

Беспрецедентные гендерные трансформации⁷ и общая «маргинализация» характеризует также современное развитие абхазов, проживающих на территории непризнанной Республики Абхазия, которая находится в теснейших отношениях с Краснодарским краем. Важным результатом изменений колониального и постколониального периодов стала аккультурация абхазов. Вакуум, образовавшийся после исчезновения традиционных институтов, в частности отношений обмена, пронизывавших все стороны жизни абхазского общества, заняла коррупция. Коррупция была давно известна в Абхазии (как, естественно, и в России). Есть документы, в частности записки европейских путешественников, свидетельствующие о коррумпированности местных властей, например, уже в середине XVIII века (хотя, конечно же, коррупция появилась здесь гораздо раньше).

Однако коррупция вовсе не была и не могла быть социальным институтом «традиционного» абхазского общества. Она основана на принципах архаичного обмена, но обмена нелегального, не санкционированного обществом. Поэтому нельзя говорить о ее местных этнических корнях как какого-то особого обычая. Нет смысла говорить и об исторической приверженности к коррупции абхазского, равно любого другого народа. Наоборот, коррупция возникает (и каждый раз возникала прежде) там, в тех ситуациях, когда эти обычаи (институты) отступают. Обособленность людей, аномия и анархия в обществе — вот то, что влекло заполнение образовавшегося социального вакуума с помощью коррупции.

⁶ Коробова Н. Н. Адыги-шапсуги: гендер, религия, образование // Там же. С. 84–90; Korobova, Nadiya. Acculturation and Spreading of Drugs (Shapsugs). In: *Transnational Groups and Natives of the Caucasian Black Sea Coast in Transition, Final Report of the Project* (manuscript).

⁷ See: Kuznetsova, Rita. Women in Abkhazia Before and After the War. In: *Central Asia and the Caucasus*. No. 6 (24), 2003.

Последний всплеск коррупции в Абхазии в советское и постсоветское время, возможно, объясним теми ножницами, в которые попала ее культура после включения в Россию, в общем ряду многих других культур «перехода», внезапно оказавшихся в зоне влияния современной урбанистической цивилизации. С одной стороны, к 1920-м годам окончательно исчезли многие старые институты, цементирующие абхазское общество (аталычество, куначество и др.), а с другой - оно так и не приспособилось к новой жизни в условиях огромной империи, сеющей крайнее отчуждение в среде ее подданных. В своем письме императору Александру II, написанному по поводу восстания, разразившегося в Абхазии, почти сразу после ее присоединения (письмо датировано 5 августа 1866 г.), наместник Кавказа сетовал: «Всего грустнее мне, что твои Саша, опасения оказываются основательными: мы сами виноваты в случившемся!»⁸

Транснациональные группы

1. Крымчаки, ассирийцы, чехи

Крымчаки – иудеи Крыма, еще совсем недавно говорившие на крымско-татарском языке (точнее, на особом его диалекте), а сейчас говорящие на русском и уже давно расселившиеся за пределы своей первоначальной территории, в том числе в Краснодарском крае. В годы второй мировой войны они были почти истреблены нацистскими оккупантами. Уцелевшие единицы испытали на себе антисемитизм сталинской эпохи. Общая численность крымчаков, согласно переписи 1989 года, составляла 1448 человек. В настоящее время подавляющее число потомков крымчаков выехало за рубеж в качестве евреев-репатриантов: в Израиль, Германию, США, Канаду. Те немногие, кто решил остаться, проживают главным образом, в Крыму, в других местах Украины и в Краснодарском крае (Новороссийск, Краснодар).

Примордиалистски сформулированный вопрос об этнических корнях крымчаков по сей день является до болезненности актуальным для самих крымчаков (т.е. людей, все еще идентифици-

⁸ См.: Кузнецов И. В. Коррупция в повседневной жизни, несколько абхазских примеров (взгляд антрополога) // Грани. 2000. Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2001.

рующих себя как крымчаков). Национальные лидеры тех крымчаков, которые не уехали в Израиль или на Запад, настаивают на своей особенной крымчакской идентичности. Отмежеваться от евреев было особенно важным в годы антисемитизма, сначала Российской империи, а потом сталинского советского режима. С другой стороны, в переписях крымчаков продолжали чаще всего фиксировать как «евреев», «татар», либо «караимов».

Апофеозом борьбы крымчакских лидеров за особенную крымчакскую идентичность явился выход в свет специальной памятки для членов общины. Это издание, текст которого был утвержден членами правления общества «Кърымчахлар» (г. Симферополь), носит название «Самоидентификация»⁹. В ней есть такие пункты, как «родственные народы» и «самосознание». Крымчаки выделяют евреев, крымских татар, азербайджанцев как родственные себе народы: «крымчаков и евреев объединяет преданность единой вере и связь по одной из линий древних предков. В этногенезе некоторых тюркских народов (крымских татар, азербайджанцев и др.) в период их становления в средневековье (так же, как и в этногенезе крымчаков) участвовали потомки хазар; кроме того, у крымских татар — готы, гурджи и генуэзцы. Между крымчаками и этими народами также есть этническое и (в результате интеграции) культурное родство»¹⁰.

Относительно современной крымчакской идентичности «Самоидентификация» говорит следующее: «С учетом всех реалий исторических судеб крымчакского народа светское общество «Кърымчахлар» и религиозное «Къаал Акодеш» — сторонники сохранения своего национального статус-кво». Вместе с тем, такая активная позиция и стремление сохранить свою собственную идентичность свойственны пока еще только относительно небольшой группе людей, в основном пожилого возраста. Что касается представителей молодого поколения крымчаков, то они практически все имеют высшее образование, говорят в основном по-русски. Кто-то из них «ходит» в православный храм, кто-то — в синагогу, кто-то — в оба храма одновременно, а кто-то вообще никуда не «ходит». Кто-то из крымчаков нового поколения

⁹ Самоидентификация. Симферополь: Кърымчахлар, 2001. С. 1-4.

¹⁰ Там же.

считает себя русскими, кто-то евреями, кто-то затрудняется «определить» себя каким-либо образом¹¹.

Ассирийцы – транснациональная группа, осевшая на территории Краснодарского края недавно (по сравнению с греками, армянами и т.д.) Национальная идеология ассирийцев – типичный пример широкого использования исторических реконструкций. Предки тех, кто сейчас называет себя ассирийцами, еще в середине XIX века представляли собой разрозненные в религиозном отношении, небольшие по численности группы христианских меньшинств (несториане, сиро-халдеи, якобиты, сиро-католики) на территории Османской империи и Персии, которых объединяло разве только то, что все они в тюрко-, курдо- и арабоязычном окружении продолжали говорить на новоарамейском (сирийском) языке. В 1886 г. Англиканская церковь создает среди этих групп т.н. Ассирийскую миссию для оказания им помощи. В ходе первой мировой войны из этого населения формировались «ассирийские батальоны», сражавшиеся на стороне Великобритании. Члены их стали называть себя ассиро-халдеями, а с 1920-х гг. – ассирийцами. Еще в 20-30-е гг. часть будущих ассирийцев по конфессиональным соображениям записывалась в паспортах греками и армянами. В последнее время новое самоназвание распространяется среди широких слоев населения различными организациями национального возрождения, такими, как Ассирийский конгресс (бывшая ассирийская организация СССР) и т.д.

Современные ассирийцы, особенно читающая интеллигенция и вовлеченные в национальное движение слои, связывают свое происхождение с событиями истории древней Ассирии. После ее падения ассирийцы якобы продолжали долго жить на своих старых местах вокруг Ниневии и в горах Ассирии. В результате их арамеизации, а также принятия христианства после I в. н.э., как будто бы и появляется современная ассирийская народность с языком, наследующим реалии как арамейского, так и древнеаккадского (ассиро-вавилонского). Далее, согласно этой схеме, древние культурные традиции ассирийцев в Средние века и Новое время якобы продолжают находящиеся в Персии небольшо-

¹¹ Багинская И. С. Крымчаки: самоконструирование в условиях ксенофобии // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 6 (март 2004). С. 113-116.

численные церкви, богослужение в которых ведется на сирийском языке.

Ассирийцы стали селиться на территории Краснодарского края начиная с 1901 года. Это были немногочисленные семьи, обосновавшиеся в районе города Армавир. Но после 1914 года, спасаясь от религиозного притеснения и геноцида, в регион переселилась довольно значительная группа беженцев преимущественно из Ирана и Турции. В 1925 году в ответ на ходатайство ассирийского общества Хаядта (Москва) «создать национальный очаг ассирийцев в России», властями было основано с. Урмия, которое первоначально составили приблизительно 30 семей выходцев из Урмии (Иран), еще с 1914–18 гг. проживавших на территории края. В 1930 г. на базе краснодарской Урмии организовали мононациональный колхоз им. Микояна, а в 1931–1954 гг. – Ассирийский национальный сельский совет. Но в 1954 году по распоряжению правительства в рамках программы по укрупнению колхозов колхоз им. Микояна был слит с более крупным хозяйством – колхозом им. Жданова (современный колхоз «Рассвет») и стал одной из его бригад. Вслед за этим был ликвидирован и ассирийский сельсовет, а Урмией начали управлять чиновники из сельсовета станицы Ново-Алексеевской.

В 1993 году население хутора Урмия Курганинского района Краснодарского края, ныне единственного ассирийского анклава в России (еще есть в Армении и Грузии), составляло 644 чел. Из них ассирийцы составляли 63,2% (407 чел.), русские – 28,4% (183 чел.), армяне – 5,9% (38 чел.), доля остальных (греки, мордва, немцы, белорусы, азербайджанцы, казахи, украинцы) была невелика – вместе 1,59%. В последнее время после вооруженных конфликтов в Урмию переезжают родственники-ассирийцы из Армении, Азербайджана, Грузии. Тем не менее, официально на 1 января 2002 г. в Урмии по-прежнему только 642 человека, проживающих в 208 домах; хотя процент ассирийцев и армян чуть вырос (66% и 7%), а русских – снизился (25%) (данные хозяйственных книг)¹².

¹² См. также: Бойцов В. В. Кубанский осколок Ассирии // Грани. 2002. Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002.

Ассирийцы Урмии как меньшинство среди русского большинства подверглись сильной аккультурации. Люди в Урмии почти ничем не отличаются от жителей соседних кубанских станиц, разве что характерными антропологическими особенностями. Ассирийский (новоарамейский) язык медленно умирает. В урмийской школе он не преподается. Тем не менее, в Урмии есть клуб, при котором существует ансамбль танца и музыкальная группа, осуществлена постановка пьесы на ассирийском языке. С 1990-х гг. проводятся ежегодные народные гуляния в начале мая (1 мая – реконструированный Новый год древних ассирийцев) с песнями, танцами, футбольным турниром и многочисленными гостями из разных уголков страны. Приезжают также ассирийцы, разбросано живущие в Крымском, Динском и Северском районах Краснодарского края. В мае 2002 г. Урмию посетил ансамбль танца «Ниневия» из Тбилиси (Грузия) в рамках тура Москва–Ростов–Краснодар–Крымск–Урмия.

Существенной чертой национальной идеологии местных ассирийцев является также приверженность христианству в особой форме – Ассирийской Церкви Востока («несторианству»). В 1898 году часть ассирийцев иранской Урмии во главе с епископом Мар-Йоной присоединилась к Русской Православной Церкви. После переселения в Россию эта группа, а также подавляющее большинство всех других переселившихся сюда ассирийцев-несториан, формально стали прихожанами местных православных приходов. Несторианские церкви уже больше не открывались, незначительная часть священников стала служить в русских церквях для ассирийцев, большая часть фактически лишилась сана, в годы сталинизма они были репрессированы. Последнее время набирает ход движение за восстановление национальной церкви. В настоящее время церковь строится и в Урмии, что вызывает раздражение у местного православного духовенства.

Сохранение языка, собственной идентичности, восстановление церкви, решение экономических проблем и проблем с органами миграционного контроля и паспортно-визовой службой, возникающих у ассирийцев-беженцев из Закавказья, лидеры «Хаядта» связывают с надеждой на выход Урмии из подчинения Ново-Алексеевской сельской администрации и колхоза «Рассвет».

В Краснодарском крае проживает 1247 чехов (1989 г.), то есть около 33 % от общего числа чехов Российской Федерации. Точные даты основания местных чешских сел неизвестны, все они возникли в промежутке 1860-90-е гг. По-видимому, наиболее старые из них — Варваровка и Павловка на территории Кубанской области (дед одного из информантов в с. Варваровка был завербован из Чехии в Россию в 1869 г.). 10 марта 1866 года вышло «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным», в параграфе 10-м которого говорилось, что в состоянии сельских обывателей заселяемого округа могут вступить, в том числе, и «иностранные христианских исповеданий поселенцы». Воспользовавшись этим пунктом, чехи и начали переселение.

Нам встретился интересный документ — прошение чехов, датированное 18 июня 1874 года, на имя Начальника Кубанской области Кармалина: «В 1868 году по распоряжению Правительства был вызов желающих поселиться в Кубанской области за рекою Кубань, с ограничением прав, избрать удобную для жительства землю с тем, что ежели первый занятый участок казенной земли по прошествии 3-х лет окажется неудобным, то поселившиеся на нем, могут просить ближайшее Начальство о разрешении приискать себе другой участок земли более удобный. Мы же как иностранцы, не имели сведения где более удобная земля, по прибытии нашем поселились в Черноморском округе, вблизи города Новороссийска, и образовав нашим поселением, в числе 120 семейств пять деревень а именно: Владимировку, Павловку, Варваровку, Кириловку и Метхалейку; проживая на вышеуказанной земле с 1870 года и по настоящее время вследствие не урожая и плохой земли мы совершенно разорились и до того, что ежели придется нам ещё прожить на этом участке земли год или два, то должны лишиться всего нашего имущества, которым мы себя и семейства наши содержим».

Как видно из приведенного отрывка, чехи переселяются в область в 1870 году, притом основывается пять деревень. Прошение подписали депутаты от деревень: Владимировки — Иосиф Татичек, Павловки — Игнат Веверка, Варваровки — Прокоп Полешак (подписано на латинице: *Vladimirovka Iozef Taticek, Paulotka Ignaz Wewerka* [далее неразборчиво]).

Откуда шла миграция, неизвестно, однако этнографические особенности чехов двух наиболее изученных нами групп — анапской и геленджикской — говорят в пользу их близости с населением Моравии, особенно ганаками. Выяснилось, что многие из чехов, приехав в 1860-ом году, по крайней мере до 1890-х годов сохраняли австро-венгерское подданство. По найденным документам удалось установить, что семья Дворжак приехала во Владимировку (р-н Новороссийска) из *Kraj Budejovský, okres Hlubocký*, села *Kostelce*.

Чехи существенно отличаются от других транснациональных групп кавказского побережья Черного моря. Главное отличие заключается в том, что они начали переселяться тогда, когда в самой Чехии уже вполне оформилась нация с присущей ей идеологией. У чехов Кавказа устойчиво общечешское самосознание. Во время опроса никто, даже из самых пожилых информантов, деда которых родились еще в Чехии, не смог ничего сказать о своей принадлежности к той или иной локальной (областной) группе.

Важной особенностью культуры чехов является также специфический механизм сохранения традиций, ее память, основанная прежде всего на книжности. Для чехов характерны очень ранние по времени попытки реконструировать уходящую народную сельскую культуру, например, составление письменных руководств по свадьбе, которые появились в Чехии уже с конца XVII в., в частности, самое известное «Свадебные договоры и хвалебные речи» Франтишека Яна Вавака — сельского старосты, переиздававшееся 18 раз.

Столь обостренное внимание к собиранию и сохранению этнографизмов было обусловлено стремлением противостоять процессу ассимиляции, в частности, онемечиванию. Это определило совершенно особые пути развития культуры чехов, в которой часто невозможно провести четкую грань между традиционным и профессиональным, сельским и урбанистическим, где сознательному нормированию подверглись такие пласты, которые в других культурах обычно находятся целиком во власти народной стихии.

Поселившись на новых местах, переселенцы получали из Чехии образцы национальной одежды, сборники песен, книги с описанием обрядов (их образцы хранятся в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея), католическую литературу на чешском

языке, т.е. поддержание традиций чешской культуры шло здесь поначалу привычным путем, через письменность. Утрата же большинством грамотности на родном языке означала новые условия на пути этнического и культурного развития чехов.

Следующее обстоятельство, выделяющее чехов после переселения на Кавказ, — религия. Костелы и молельные дома имелись в крупных городах (Краснодар, Майкоп, Новороссийск), а также в чешских селах (Варваровка, Павловка, Тешебс). Они не были специфически чешскими, а обслуживали все католическое (поляки, немцы) и униатское (часть армян) население. Приходы римско-католической церкви существовали в регионе начиная со 2 пол. XIX в. и до 1950-х гг., их повсеместное закрытие было результатом сталинских гонений на религиозные меньшинства.

Изначально в местах, где поселились чехи, монопольную роль играла Русская Православная Церковь. Между чешскими переселенцами и окружающим русским православным большинством первое время сохранялась неприязнь. Информанты помнят, как их деды верили, что под кафтанами у русских растут хвосты, как у чертей (то же, например, считали и армяно-католики в отношении армян — прихожан Апостольской Церкви).

У чехов, попавших в православное государство, население которого испытывало неприязнь к католикам, приверженность к католицизму стала одним из главных факторов противопоставления с окружающим русским большинством. Одновременно это означало сближение с другими группами, исповедующими католицизм, например, поляками.

Ныне в местности, где расположены чешские села, повсюду доминирует русское население. Сейчас русские составляют большинство и внутри почти всех чешских сел (исключая с. Анастасиевка и х. Мамацев). Все чехи Кавказа знают русский. В то же время родной язык (диалекты, редко литературный язык) знают сносно лишь те из них, кто старше 60 лет, более молодые люди признают, что говорят по-чешски неважно. В повседневной жизни и те, и другие чаще пользуются русским. Место чешского языка в основном ограничивается сферой праздника и ритуала (свадебного). Вытеснению родного языка русским способствует отсутствие чешских школ или школ с преподаванием чешского языка. Вместе с тем никакого движения за сохранение родного языка среди чехов Кавказа не наблюдается.

В советский период в обстановке религиозного безразличия стерся и антагонизм между католиками и православными. Есть даже редкие факты сознательного перехода чехов в православие (в с. Варваровка — один случай). Сейчас в намечающемся в регионе возрождении католичества чехи, в отличие от поляков, не занимают заметного места.

Но главный фактор ассимиляции чехов Кавказа — демографический. Межнациональных браков очень большое количество, в некоторых селах (Варваровка, Павловка) — более половины от общего числа. Увеличению их числа способствует ряд моментов: все чешские села были основаны как очень малочисленные поселения (так в 1905 г. с. Текос состояло лишь из 14 дворов, с. Тешевс — из 16, Георгиевские хутора — из 22 и др.); для переселенцев-чехов был характерен весьма низкий уровень рождаемости по сравнению с окружающим населением (русским, армянским и т.д.); брачные круги обычно не распространялись за пределы своей ареальной группы, или в лучшем случае охватывали 2 соседних группы (например, жители с. Варваровка могли брать жен из другого села анапской группы — Павловка, были известны браки варваровских чехов с чехами соседней новороссийской группы, но уже села геленджикской группы и тем более туапсинской находились за пределами этого круга).

Помимо высокого уровня этнической миксации факторами ассимиляции чехов в селах анапской и новороссийской группы является влияние курортной зоны и сильная урбанизация. Общая численность населения большего числа чешских сел падает, тогда как общая численность населения сел Варваровка и Павловка (сейчас объединены в одно) растет за счет притока новых мигрантов (в основном армян и русских). Некоторые чешские села Новороссийской группы (Мефодиевка) фактически вошли в черту города Новороссийска.

Чехи как транснациональная группа на Северо-Западном Кавказе, видимо, столкнулись с совершенно особой трудностью — демографической¹³.

¹³ Кузнецов И. В. Чехи Кавказа // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 1. С. 116-122. Автор также выражает благодарность В. И. Колесову за предоставленные им выписки из документов, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края.

2. Потомки мигрантов из Понта

Понтийские греки, амшенские армяне и хемшилы представляют собой транснациональные группы, вышедшие на российский берег Черного моря из турецкого Понта — культурного ареала, который прослеживается, начиная с античности, и территориально почти совпадает с границами османского Трапезундского вилайета начала XX в. (современные причерноморские илы Самсун, Орду, Трабзон и др.). Древнее население Понта — халибы, колхи и др. — по-видимому, предки западных грузин, абхазов и адыгов. В VIII-VII в. до н. э. здесь появляются первые колонии греков, не позже VIII в. н. э. — армяне (город Амшен или Хемшин), и только к XIII-XIV в. — турки (туркмены). К моменту выхода за пределы Понта амшенских армян, хемшилов и понтийских греков, у них выработался общий культурный тип, резко отличающий их от армян (и греков) из других мест.

По крайней мере, в XVIII-начале XX в. в качестве фактора идентичности в Понте исключительную роль играет религиозная принадлежность (мусульмане, православные христиане, армяно-григориане), которая часто вообще подменяет этничность. В настоящее время подавляющее большинство исследователей считает хемшилов потомками армян Понта, исламизированными не позже XVIII в. н. э. Оставшихся адептов Армяно-григорианской (Армянской Апостольской) Церкви, или вернувшихся в ее лоно, принято называть амшенскими армянами.

Переселение в 1860-1920-х гг. армян Понта (как и греков) на территорию нынешних Краснодарского края и Абхазии происходило на фоне усилившихся в Турции гонений на этнические и религиозные меньшинства, последовавших за этим погромов и настоящих актов геноцида. С другой стороны, после окончания Кавказской войны не примирившиеся с владычеством России горцы-махаджиры селятся на турецком берегу. В 1878 г. самая восточная часть турецкого Понта вошла в состав Российской империи, образовав Батумский округ (Аджарию). В некоторых селах, из числа перешедших под новую юрисдикцию, продолжали проживать хемшилы, до тех пор, пока в 1944 году они, вместе с греками, курдами, турками, были высланы из Аджарии как «неблагонадежное население». Их принудительно разместили малыми группами на положении

так называемых «спецпереселенцев» в Южном Кыргызстане и Казахстане.

Начиная с 1982–84 годов, и особенно в 1989 году, после событий в Ферганской долине и узбекско-киргизского конфликта в Оше, вместе с турками-месхетинцами более 20 семей хемшилов переехало в Краснодарский край (Апшеронский и Белореченский районы). До хемшилов в тех же районах, и иногда даже в тех же населенных пунктах, уже жили амшенские армяне. В 1926–53 годах часть территории Апшеронского и соседнего Туапсинского района с армянским населением входила в Армянский национальный район, объединявший 63 селения с общей численностью в 7000 чел. Последняя волна миграций этой транснациональной группы на данную территорию по времени совпала с хемшилской. В этих и окрестных селах расселились амшенские армяне-беженцы из зоны грузино-абхазского военного конфликта.

Массовая исламизация предков хемшилов вырвала их из общеармянской среды, сохранение языка (амшенского диалекта — общего для амшенских армян и хемшилов) сделало хемшилов тем, кто они есть. Все хемшилы осознают свою самобытность и общность и выражают это употреблением общего самоназвания в форме *həmşiləsi* «амшенец». Но они ничего не знают о происхождении этого названия. Турецкая форма названия — *hemsilə* (с тем же значением), вошедшая в другие языки, не воспринимается большинством хемшилов как аналог их собственного названия. Как контраст этому — амшенские армяне не употребляют данного названия ни в армянской, ни в турецкой форме, предпочитая ассоциировать себя либо с армянством вообще (*hdu*, *hdui*, *hey*, *heyi* «армянин»), либо называя свою локальную группу, при этом название образовывается от соответствующего топонима в Турции. Так, амшенские армяне, проживающие в Апшеронском районе, обычно называют себя *jenikci*, *jənikci* «джаникец», т. е. переселенец из Джаника. Только в последнее время узкий слой амшенских армян, знакомых с краеведческой литературой — интеллигенция, функционеры местных армянских общин — стали употреблять название *həmşie(n)ci*. Так начинают называть местные общинные организации, фольклорные коллективы и прочее. Однако до сих пор очевидна искусственность и неукоре-

ненность этого нового термина, многие до сих имеют о его происхождении очень туманное представление.

Для этнической идентичности хемшилов Краснодарского края характерно также то, что они соотносят себя и с турками, многие даже в равной мере считают себя турками и хемшилами. В свою очередь и информанты-турки на расспросы о том, кто такие хемшилы, также чаще всего отвечают, что это — турки («такие же, как и мы, мусульмане»), но помимо турецкого, у них есть свой собственный язык, по их мнению, «как курдский», который, скорее всего, они переняли у соседей, либо действительно это их первоначальный язык; и что с курдами их роднит не только язык, но и пастушеские обычаи. Турецкая идентичность хемшилов имеет под собой несколько мотиваций. Главная — это реальная культурная (естественно, прежде всего, религиозная) близость обеих групп. Далее, все это закреплено и в официальных документах: очень у многих хемшилов в советских внутренних паспортах в графе «национальность» стоит запись «турок» или «турок-хемшил».

Наконец, и у хемшилов и у месхетинских турок еще недавно было много общих, точнее навязанных им извне, политических интересов. Как и месхетинские турки, хемшилы Краснодарского края являются одной из самых бесправных групп населения. Они обделены статусом беженца. Абсолютное большинство их, исключая единичные случаи, не получило полагающейся по законам Российской Федерации регистрации по месту жительства (прежде прописки). А в условиях Краснодарского края, на территории которого долгое время действовали законодательные акты, явно противоречащие российской Конституции, это означает, что хемшилы не имеют законных прав на недвижимость, которой пользуются, должны выплачивать ежемесячный налог за проживание на территории Российской Федерации как иностранцы, не принимаются на работу, не получают паспортов и т. д.

Активисты амшеноармянских общин несколько раз предпринимали попытки устроить дискуссии, основная идея которых — «просветить» хемшилов, в том, что их предки были амшенскими армянами, и что благом для них сегодня будет постепенный отказ от ислама и «возвращение» в лоно Армянской церкви. Хемшилы на подобные «разговоры по душам» откликаются по-

ка крайне неохотно. Но, с началом в средствах массовой информации обвинений в адрес ваххабизма, исламских террористов, новой антитурецко-мешетинской кампании на всех уровнях власти, лидеры хемшилов поняли, что добиться своих прав, идя в одном строю с турками, уже невозможно. Сегодня некоторые родители уже отдают своих детей в классы с изучением армянского языка, а старейшины подумывают о собственной правозащитной организации только для хемшилов. По всей видимости, скоро окончательно забудется и их турецкая идентичность. Но основная трудность в будущем самоопределении хемшилов — это, с одной стороны устойчивое сохранение ими ислама, а с другой — распространенная повсюду в Краснодарском крае армянофобия¹⁴.

Большинство греков Краснодарского края региона — потомки беженцев 1862-1919 гг. из Понта. В дальнейшем греческое население края пополнялось за счет миграции из Закавказья, главным образом из Грузии. Особенно интенсивно процесс переселения шел в 1990-е годы, и был связан с ухудшением внутренней обстановки в Грузии, вызванной последствиями грузино-абхазского военного конфликта.

В период «перестройки» среди интеллигенции греческого происхождения стали распространяться идеи национального возрождения. В 1990-е годы в Краснодарском крае создаются греческие национально-культурные организации, которые явились важным мобилизующим фактором греческой этнической идентичности в регионе. С другой стороны, краснодарская община греков понесла значительные демографические потери не только в годы сталинских репрессий, но и, что важно, в последнее десятилетие в связи с эмиграцией большого количества молодежи и людей среднего возраста в Грецию. Ныне понтийские греки в Краснодарском крае являются меньшинством как в контексте греческой (панэллинской) этнической перспективы, так и по отношению к остальному населению территории их современного проживания в крае. Другая особенность — дисперсное

¹⁴ См.: Кузнецов И. В. Турки-хемшилы или исламизированные армяне? (случай «неясной» этнической идентичности) // Диаспоры. №. 1-2. 2000. Он же, Хемшилы Краснодарского края (1980-90-е гг.) // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2000, с. 110-139.

расселение (не как у амшенских армян, ассирийцев и т.д.), главным образом, в городах и в сельских населенных пунктах, где подавляющее большинство населения составляют русские.

Для греческого населения края характерна инвариантность и гетерогенность культурных практик, которые сосуществуют с нивелирующими установками идеологии греческого возрождения на сохранение и воспроизводство этнически окрашенной «традиционной культуры». При этом, в отличие от амшенских армян, которые мало что знают о своем происхождении из Понта, конструируется единая объединяющая для всего греческого населения региона «понтийская греческая» этническая идентичность.

Например, цалкские урумы (турецкоговорящие православные христиане, первоначально переселившиеся из внутренних районов Турции в Цалкский район Грузии), попав на Северо-западный Кавказ, начинают заявлять о своей греческой этнической идентичности, позиционируются вместе с преобладающими в регионе понтийскими греками, которые переселились сюда непосредственно из Понта много ранее, т.е. в конце XIX-начале XX века. Среди цалкинцев действуют «понтийские» греческие национально-культурные организации, лидеры которых представляют «понтийскость» как основание для исторического и культурного единства различных кавказских групп греков.

В качестве символов понтийской культуры в такой ситуации выступает реконструированный традиционный костюм, понтийская кеманча или лира, фольклор, особенно круговые танцы, которые исполняют во время фестивалей понтийской культуры и праздников.

Особую проблему составляет изучение т.н. черкесских (адыгских) греков – группы, ныне почти исчезнувшей. В фокусе имеющих на сегодняшний день исследований – переселение ряда семей, которые составили данную группу, на русскую сторону из адыгских аулов, находившихся в состоянии войны с русскими¹⁵.

¹⁵ См.: Кузнецов И. В. Pontica Caucasica Ethnica. II // Понтийские греки. Краснодар, 1997 (серия: Studia Pontocausica, 3); Колесов В. И. Черкесские (горские) греки // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 2 (сентябрь 2000); Колесов В. И., Кузнецов И. В. «Черкесские греки»: идентичность, культура, религия. // Диаспоры, №. 1, 2002.

Некоторые обобщения

Для изучаемого региона грань, отделяющая коренное население от транснациональных групп, условна. Представители абхазов и адыгов, считающие себя в настоящее время коренными народами, тем не менее, в подавляющем большинстве живут за пределами своей первоначальной территории, в диаспоре (Турция, Ближний Восток, США и др.), образуя транснациональные группы. Эта ситуация уже не первый раз повторяется в истории (например, такой феномен, как адыгское и абхазское мамлюкство). С другой стороны, многие нынешние «признанные» транснациональные группы выступают за собственную укорененность, удревляют свою историю. Так, для националистической идеологии современных греков, вполне в духе примордиализма, характерно подчеркивание античных эллинских корней, ассирийцев – наследия древневосточной Ассирийской империи. Амшенские армяне Краснодарского края противопоставляют себя более поздним группам армян-мигрантов в регионе (армяне Карабаха и др.). Крымчаки доказывают, что они «коренные» для Крыма и региона в целом, в отличие от «пришлых» евреев.

Противопоставление коренных и мигрантов может работать только в правовом поле: ср. специальные статусы для «коренного малочисленного населения» и «мигрантов» в международном праве и законодательстве ряда стран. В этом случае критерием для их разделения может быть колониализм. Народы, проживавшие в регионе в доколониальный период, т.е. до Кавказской войны (до XIX в.), коренные, все прочие – нет.

Очевидно, для Северо-западного Кавказа националистическая идеология, с помощью которой конструируются современные народы – достаточно позднее явление. Национализм, возникнув в Западной Европе в XVIII в., пришел сюда только в колониальное и постколониальное (советское) время. Это хорошо видно на примере одной из транснациональных групп – чехов, которые попали в регион не из соседних областей (Понта и др.), как большинство, а из Западной Европы. Чехи выделяются на фоне всех остальных высоким уровнем национальной консолидированности, четкой границей, отделяющей «нас от них», и сложившимися механизмами кодификации и сохранения национальных особенностей культуры (письменность, печатная культура, образование). Другие (армяне, греки, ассирийцы, адыги и

др.) включают в себя большое число переходных групп с многоуровневой идентичностью (в составе греков — понтийцы, урумы, черкесские греки; в составе армян — амшенские и др.), что создает почву для вариативности процесса.

До эпохи наступления национализма главным фактором для объединений и противопоставлений на основе культуры была религия. Только она служила основанием для того, чтобы между хемшилами, принявшими ислам, и амшенскими армянами, сохранившими христианство, возник на долгие столетия барьер; а «армяне» и «греки», жившие среди адыгов, от которых они не отличались ни в языковом, ни в культурном отношении, и узнавшие о своих конфессиональных различиях только в колониальный период от чиновников и миссионеров, быстро растворились в среде «своих» наций — армянской и греческой. В этом смысле воздействие религиозного фактора на националистические идеологии ощущается и до сих пор. Благодаря общей религии многие хемшилы на каком-то уровне своей идентичности продолжают быть турками, а крымчаки — евреями.

Специфический случай чехов заключается в том, что эта крайне малочисленная группа испытала настоящую демографическую катастрофу, в связи с тем, что перестал играть существенную роль именно религиозный фактор. Определенное время границу с внешней средой для них усиливали конфессиональные противоречия, которые сменились национальными в их собственной стране, но еще ощущались в России (католицизм/православие). Однако, после массовой атеизации в советский период, эта граница была сметена, и чехов поглотил вал межнациональных браков с окружающим большинством (русскими и др.).

Языковой фактор, в сравнении с религиозным, долгое время не играл такой роли. Исследование языковой ситуации у транснациональных групп, переселившихся из исторического Понта (амшенские армяне, хемшилы, понтийские греки), показывает, что они долгое время являлись и являются сейчас дву- и многоязычными; что разные уровни их культуры опираются на разные языки («родной» и турецкий, русский и др.). Вместе с тем, стремление сохранить (или создать) «свой» язык в настоящее время становится существенной чертой национальных идеологий. За особые меры, которые могут предотвратить исчезновение «родного» языка, выступают шапсуги, ассирийцы Урмии. Сохра-

нение особого крымчакского языка и его памятников — основа крымчакской идеологии. Воздействием языкового фактора объясняется трудность вхождения урумов в греческую нацию. Наличие «своего» языка, помимо турецкого — единственное, что отличает хемшилов от турок.

Для бытовых представлений русского большинства, современного дискурса в СМИ, заключений экспертов, обслуживающих правительственную политику в России, характерен стереотип особой традиционности изучаемых нами малых коренных народов, архаичности, неподверженности их культур модернизационному процессу. Наши исследования опровергают его. Традиционные социальные институты абхазов и адыгов-шапсугов, переживших прессинг колониального и постколониального периодов, исчезли, а возникший вследствие этого вакуум заполнили явления, характерные и для других государств третьего мира со слабой властью (коррупция). Произошли глубокие гендерные изменения. Начали распространяться «пороки» нашего собственного общества (например, наркомания). Сама национальная идеология этих народов сформировалась в новых, несвойственных ранее этим культурам формах (письменный печатный характер дискурса и др.).

Предпринятое исследование показывает, как прямо на наших глазах может работать механизм конструирования новых народов (крымчаки, хемшилы), рождаются новые идентичности. Не вызывает сомнения то, что этот процесс часто носит характер сознательного выбора элит, является способом достижения ими своих корпоративных интересов. Соответственно, большую роль во всем этом играют конкретные национальные просветители, лидеры НПО и политических партий.

Оформление транснациональных групп в новые народы — результат действия очень многих векторов, процесс случайный. Так лидеры горских евреев Дагестана десятилетиями настаивают, что они — прежде всего евреи, а власти и официозная советская наука продолжают этому сопротивляться, видя в них местное кавказское население — «татов-иудаистов». Крымчакская же община, наоборот, убеждает последних в своей «укорененности». Но в этом случае официальные структуры делают вид, что не замечают особой идентичности крымчаков и продолжают подозревать в них евреев. Это притом, что движение и горских евреев,

и крымчаков развивается на фоне глубоко засевшего в умы местного бытового антисемитизма и традиционного недоверия властей к евреям.

Мы развенчиваем еще один стереотип, согласно которому малые группы (коренные или транснациональные) а priori большие националисты, более корпоративны и консолидированы, чем окружающее большинство. Исследованные случаи показывают, что национализм коренного населения Северо-западного Кавказа — вторичен. Это ответная реакция на колониализм: современные абхазы и шапсуги борются за отобранную землю предков и политический статус, в котором они видят утерянную возможность самоуправления. Точно также национализм транснациональных групп мигрантов — тоже результат процессов, происходящих в их окружении, в частности, следствие такой черты национализма русского большинства, как ксенофобия. Хемшилы хотят быть хемшилами, потому что видят, как власти Краснодарского края приступают к депортации турок; крымчаки — крымчаками, а не евреями, потому что боятся повторения еврейских погромов, Холокоста и борьбы с «космополитизмом». Ассирийцы Урмии стали настаивать на восстановлении такой устаревшей формы местного самоуправления, как национальный сельсовет или даже колхоз, только после того, как станичная власть, в которой их растворили, ликвидировала все возможности для их национального развития.

Сегодняшняя официальная политика в отношении этнических меньшинств, коренного населения и мигрантов, как в федеральном центре, так и особенно в регионе, подпитываемая примордиалистским расиалистским дискурсом официальных экспертов, сама выдумывает, а затем воплощает в реальность те нарушения баланса и опасные количества национальностей, отношения между которыми потом и берется регулировать. Создание и поддержание многочисленных законодательных барьеров (регистрации, особого порядка пребывания и т.д.), по мнению их архитекторов, ограждающих местное (русское) население от наплыва «чужих», бездумное развешивание «своим» и «чужим» обобщающих ярлыков типа «славяне», «казаки», «кавказцы», «турки-месхетинцы», «ваххабиты», «чеченцы», порождает национализм последних, что ведет к тотальной этнизации общества и распаду государства в его нынешней форме.